

НИНДЗЯ В ТЕНИ КРЕСТА

ВИТАЛИЙ
ГЛАДКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

忍術伝説
有田流

Исторические приключения (Вече)

Виталий Гладкий

Ниндзя в тени креста

«ВЕЧЕ»

2015

Гладкий В. Д.

Ниндзя в тени креста / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-7860-8

Япония XVI века. Юный Гоэмон, ученик мастера ниндзюцу, мечтает совершить подвиг и стать настоящим синоби – «тем, кто крадется», – чтобы поступить на службу к императору. Но встреча с ямабуси, странствующим целителем и магом, сильно изменила его планы. Гоэмон отправляется вместе с ним в столицу, даже не представляя, где он окажется буквально через год и какие невероятные приключения ждут его в будущем... за тысячи миль от родных берегов!

ISBN 978-5-4444-7860-8

© Гладкий В. Д., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виталий Гладкий

Ниндзя в тени креста

© Гладкий В. Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава 1

Гоэмон

Гоэмон стоял на вершине скалистого выступа над пропастью в стойке «цапли» – на левой ноге, правая, согнутая в колене. Внутри у него словно находились песочные часы, в нижний сосуд которых стекали тонкой струйкой крупные речные песчинки; он точно знал, что ему осталось продержаться в такой позе еще час... нет, уже на минуту меньше. Гоэмон отбывал наказание за проступок, и Учитель назначил ему это очень нелегкое и опасное испытание – он обязан был простоять на одной ноге у кромки горного ущелья, на дне которой бушевал горный поток, ровно три часа. Мальчик, которому совсем недавно исполнилось двенадцать лет, должен был выполнить упражнение, которое и многим взрослым мастерам ниндзюцу¹ не показалось бы легким.

Он мог висеть над пропастью на руках, вцепившись за скальные выступы, несколько часов, однако в темноте Гоэмон не видел, как далеко ему придется лететь, если его подведут мышцы, и это обстоятельство успокаивало тревожные мысли. Мальчик в таких случаях представлял ситуацию обычным каждодневным занятием, разминкой для детей до семи лет. Ему совсем не было страшно, ведь его воображение рисовало в голове совсем другую картину – что до земли всего ничего, он держится за древесную ветку, а под деревом толстый и мягкий слой прошлогодней листвы. Тем не менее висеть Гоэмон должен был ровно столько, сколько прикажет Учитель, ведь за неисполнение упражнения его ждало наказание, а главное, насмешки других учеников школы ниндзюцу.

Долгое время находиться в стойке «цуруаси-дати» над бездонной пропастью под неумолчный рокот горного потока далеко внизу для двенадцатилетнего мальчика оказалось очень тяжелым испытанием. Физических сил ему вполне хватало, чтобы отстоять положенные три часа, но монотонный шум текущей воды, а в особенности радуга, образованная водяной пылью и повисшая над ущельем ближе к обеду, когда солнце наконец заглянуло в его темные и мрачные теснины, нарушали душевное равновесие мальчика, что начало сказываться на устойчивости. В какой-то момент, завороченный неумолчным грохотом горного потока и свечением водяных брызг, Гоэмон даже пошатнулся, и только потрясающая координация, которую вырабатывали в нем с колыбели, помогла ему удержаться на крохотной площадке над бездной. Тем не менее встать на обе ноги он даже не подумал; лучше умереть, чем ослушаться Учителя.

Прикусив нижнюю губу до крови, он попытался отвлечься от манящего зрелища радуги и перевел взгляд на поросшие лесом дальние горы. Ему стало легче, дыхание успокоилось, равновесие восстановилось (правда, не так, как раньше – мышцы ноги все еще дрожали от огромного напряжения), и мальчик попытался сосредоточиться на созерцании вершины самой высокой горы – Иидзака. Обычно она почти всегда была закрыта густым туманом, но сегодня небо очистилось до полной прозрачности, и острые глаза Гоэмона различали даже кривые деревца, сумевшие забраться на голые скалы.

Провинция Ига на острове Хондо², где располагался клан мальчика, благодаря своему рельефу и отсутствию дорог служила его соплеменникам надежным убежищем от всевластия сёгуна³. Практически по всей границе провинции тянулись высокие горы, которые ни один

¹ Ниндзюцу – тайное клановое боевое искусство, содержащее в себе комплексы знаний и умений по осуществлению диверсий и террора, методы проведения партизанских операций, разведку с использованием всех способов добывания и анализа информации. Жителям средневековой Японии акции ниндзя (адептов ниндзюцу) представлялись проделками демонов.

² Хондо – остров Хонсю.

³ Сёгун – в японской истории так назывались люди, которые управляли (в отличие от императорского двора в Киото)

неприятель не мог преодолеть незаметно. Внутри гор, как в большой чаше, ютились деревеньки и раскинулись небольшие крестьянские наделы, разделенные пологими холмами или скальными хребтами, в которых были проделаны узкие проходы. Заниматься хозяйством в Ига трудно, так как земля здесь каменистая, зато на каждой небольшой равнине, затерянной между скалами, существовал свой клан. На севере провинции Ига горы были немного ниже; там находилась провинция Кога. Местные воины испокон веков славились отменной силой и боевым мастерством, поэтому в прежние времена из Ига и Кога набирались наемники в армию сёгуна.

Неожиданно неустойчивое равновесие мальчика снова было нарушено. Но на этот раз виною тому были не природные силы, а чувство опасности. Скала, на которой отбывал наказание Гоэмон, находилась в некотором отдалении от деревеньки, где жила его семья и где он мог надеяться на защиту старших. Но здесь приходилось рассчитывать только на себя. Конечно, вряд ли кто из чужаков, будучи в здравом уме, мог попытаться проникнуть на земли провинции Ига. Разве что разбойники, совсем пропащие люди, которых преследовали отряды сёгуна и которые не боялись никого и ничего – ни людей, ни злых духов.

Гоэмон был обучен кожей ощущать опасность. Конечно, не в такой мере, как взрослые синоби⁴, но вполне достаточно для того, чтобы понять, что неподалеку от него находится чужак. День выдался практически безветренный, и воздушные потоки равномерно обволакивали обнаженный торс мальчика, словно одежда из тончайшего шелка. Но с левой стороны воздух вдруг уплотнился, что могло обозначать только одно: кто-то подкрадывается к Гоэмону. А вскоре он услышал и осторожные шаги. Кто-то шел по тропе, которая вела вдоль обрыва к деревне мальчика.

Для нетренированного уха походка чужака была бесшумной, но только не для юного синоби. Мало того, Гоэмон даже нарисовал в своем воображении человека, который приближался к нему. Сегодня тот ел на завтрак дикий мед, запах которого нельзя перебить ничем, был далеко не молод (где может остаться капелька меда? скорее всего, в бороде), но легок в ходу, что возбуждало тревогу, – в преклонном возрасте так могли передвигаться только хорошо тренированные мастера ниндзюцу.

Чтобы выработать у учеников школы «воинов-теней» (так японцы называли синоби) способность наблюдать за происходящим внутренним зрением, помощник Учителя усаживал их спиной к себе и время от времени ронял небольшую иголку на плоский камень. Через некоторое время в сознании Гоэмона появлялось ощущение, что он начинает видеть происходящее затылком, и даже мог предугадывать, когда именно иголка упадет.

Осторожным движением, незаметным со стороны, мальчик положил правую руку на футляр с сюрикенами⁵, который находился в складках его набедренной повязки; он готов был в любой момент обрушить на чужака смертоносный дождь из остро заточенных клинков в виде звездочек. К своим двенадцати годам Гоэмон стал одним из лучших бойцов клана Хаттори по части обращения с сюрикенами. Они были его излюбленным оружием. Сюрикеном он мог сшибить даже стрижа на лету.

– Действие не всегда должно опережать мысль, как гласят каноны ниндзюцу, – неожиданно раздался голос позади; он был мягок и доброжелателен. – Хотя твоя невозмутимость перед надвигающейся угрозой и готовность к немедленному отпору похвальны, юный синоби,

Японией большую часть времени с 1192 года до периода Мэйдзи, начавшегося в 1868 году. Правительство сёгуна называлось бакуфу («палаточный лагерь» – место расположения полководца).

⁴ Синоби, **синоби-но-моно** – тот, кто крадется (*яп.*). Слово «**ниндзя**» в том виде, к которому мы привыкли, стало популярным сравнительно недавно – в конце девятнадцатого века. До этого момента чаще всего употреблялось «синоби». Японцы называли синоби «демонами ночи».

⁵ Сюрикен – дословный перевод: «лезвие, скрытое в руке»; японское метательное оружие скрытого ношения. Представляло собою небольшие клинки, изготовленные по типу повседневных вещей: звездочек, игл, гвоздей, ножей, монет и т. д.

но будь у меня дурные намерения, я преспокойно мог убить тебя издали, к примеру, из лука или фукибари⁶.

При этих словах раздался мелодичный звон. Ямабуси, горный отшельник! Они путешествовали, держа в руках посох с колокольчиками – бутоку-дзё. Чтобы бесшумно приблизиться к Гоэмону вплотную, ямабуси зажал колокольчики в ладони. Зачем он это делал, можно было только гадать.

Ямабуси – их называли «спящие в горах» – были желанными гостями в любой деревне или крестьянской семье, где они творили заклинания у ложа больного с целью изгнания из его тела злых духов, которые принесли болезнь. Ямабуси могли вызывать дождь, столь необходимый в засушливое время года, или усмирять разбушевавшуюся стихию. Они врачевали души простолюдинов, а также их тела с помощью различных мазей и травяных настоек. Горные кланы острова Хондо считали «спящих в горах» мудрецами, наделенными большими знаниями.

А еще ямабуси были наставниками синоби по части воинских искусств, которыми они владели в совершенстве. Но свои знания горные отшельники передавали только избранным. Гоэмону было известно, что в его деревеньке лишь Учитель сподобился высокой чести обучаться ниндзюцу у «спящего в горах». Он обладал знанием поражения смертоносных точек на теле человека как никто другой. Кроме того, Учитель владел гипнозом и даже мог пользоваться самым высшим оружием ямабуси – смертоносным проклятием. Однако на памяти мальчика Учитель еще ни разу не применил свои сверхъестественные знания, и Гоэмон знал, почему: такие проклятия в основном предназначались изменникам, которые среди синоби рода Хаттори были большой редкостью.

Гоэмон не ответил ямабуси. Ему было не до разговоров. Волнение, которое он испытывал, пока приближался отшельник, забрало у него много сил, и теперь мальчик с ужасом почувствовал, что еще немного – и его и так не очень устойчивое равновесие нарушится. Тогда он или свалится в пропасть, на острые камни, или станет предметом насмешек своих сверстников, если ему удастся отскочить от края ущелья. Ведь приказ Учителя – закон, и лучше умереть, чем его нарушить.

Видимо, ямабуси понял состояние мальчика, потому что Гоэмон вдруг ощутил, как его тело словно обдало жаром снаружи, отчего боль в икроножных мышцах куда-то ушла. А затем он снова услышал властный голос горного отшельника:

– Сосредоточься! Представь, что ты не человек, а скала. Ее устойчивость не могут нарушить ни землетрясения, ни бури. Твоя нога вросла в камень, спокойствие и невозмутимость древней горы вошли в твое тело и ничто не может повлиять на твой покой...

Слова отшельника лились плавно, завораживая мальчика. Он и впрямь почувствовал себя несокрушимой скалой, сросся с камнями. А ямабуси продолжал говорить. Магии ниндзя, о которой шла речь, юных синоби начинали обучать лишь тогда, когда они становились полноправными членами семьи. Но Гоэмон был очень смышленным, а его отец считался одним из лучших тэйсацу – лазутчиков клана, поэтому мальчику в какой-то мере был понятен смысл речей «спящего в горах».

Отец торопился обучить сына всему, что знал сам, потому что жизнь синоби редко бывает длинной. Свои знания, по совету отца, Гоэмон скрывал даже от Учителя, но благодаря им он преуспевал в обучении и считался подающим большие надежды. Особенно хорошо Гоэмон развил зрительную память.

Поздним вечером, когда Гоэмон приходил домой после окончания занятий, отец зажигал копилку, раскладывал на чайном столике различные предметы и прикрывал их платком.

⁶ Фукибари – духовое ружье, стреляющее отравленными стрелами. Трубки ружья могли быть разного размера – от совсем малого (чтобы спрятать во рту), до охотничьих фукибари длиной около 1,5 м.

Затем платок поднимался на несколько мгновений, и когда он возвращался на место, Гоэмон должен был без запинки перечислить все то, что лежало на столике под платком. Сначала предметов было не больше десяти, но со временем их число увеличивалось до нескольких десятков. А когда Гоэмон научился читать и писать, он с необычайной легкостью за очень короткое время запоминал и мог воспроизвести все иероглифы, начертанные на длинном свитке васи – бумаги из прочных волокон коры «бумажного дерева». Вскоре его наметанный глаз начал безошибочно «срисовывать» рельеф местности и отмечать малейшие изменения в окружающей обстановке. Для синоби-лазутчика это было жизненно важно – чтобы не угодить в ловушки, расставленные врагами.

Наконец ямабуси появился в поле зрения Гоэмона. Он устроился над самым обрывом, на камне, который чудом держался на скальном выступе. Со стороны казалось, что эта каменная глыба свалится в пропасть от малейшего толчка, но тело отшельника словно было сделано из пуха. Он легко, непринужденно и совсем безбоязненно (будто не замечая пропасти в полшаге) опустился на камень и, опершись о свой посох, стал наблюдать за мальчиком. Ямабуси молчал; все, что было нужно, горный мудрец сказал и теперь лишь наблюдал, как подействовали его слова на юного синоби.

Гоэмон узнал его. Когда он был совсем маленьким, этот горный отшельник, великий мастер ниндзюцу, навещал их деревеньку. Как раз тогда один из самых уважаемых и опытных лазутчиков клана получил во время исполнения задания практически смертельное ранение и только благодаря железной воле и немыслимой стойкости все-таки сумел добраться домой, чтобы умереть в кругу родных и близких. Собравшиеся оплакать знаменитого синоби были потрясены до глубины души, когда ямабуси вышел из дома, где на смертном одре находился раненый, и буднично сказал: «Через две недели он встанет на ноги, а спустя месяц будет прыгать по скалам, как горный козел».

С тем он и ушел, вернулся в неприступные горы, – туда, куда не могли пробраться даже самые смелые и опытные лазутчики сёгуна. А раненый и впрямь спустя месяц крепко встал на ноги, с помощью горного старца чудом избежав встречи с Дзигокудаю, владычицей загробного мира. Впрочем, не исключено, что лазутчики (чаще всего синоби из не очень известных школ ниндзюцу, нанятые сёгуном для такой неблагодарной миссии) все же находили пути к пещерам и горным пагодам⁷ ямабуси, да вот только ни один из них не вернулся обратно, чтобы показать туда дорогу войскам своего нанимателя.

«Спящему в горах» уже стукнуло немало лет. Он был седым, как лунь, а свои длинные волосы, спрятанные под амигасой, конической шляпой, изготовленной из рисовой соломы, ямабуси заплел в толстую косу. Гоэмон сомневался, что это он сделал только для удобства – чтобы волосы не мешали пробираться через густые кустарники. Скорее всего, в конец косы был вплетен очень острый клинок – страшное оружие мастеров ниндзюцу. Ямабуси мог одним резким поворотом головы хлестнуть косицей по горлу ничего не подозревающего врага и перерезать ему сонную артерию.

Видавшая виды одежда горного отшельника была в заплатках, кожаные сандалии-дзори изрядно истоптаны, но широкий матерчатый пояс выглядел как новенький, и Гоэмон мог побиться об заклад, что ямабуси хранит в нем много неприятных сюрпризов для разбойников, промышленявших в горах, и вообще для всех недоброжелателей, готовых покуситься на его жизнь. Собственно говоря, и посох в руках старика вызывал подозрения у искушенного человека. Он в любой момент мог превратиться в смертельное оружие.

Все ямабуси и синоби были мастерами бо-дзюцу – искусства обращения с боевым посохом. Уж кто-кто, а Гоэмон точно знал, что один человек, вооруженный таким посохом и умею-

⁷ Пагода – буддийское или индуистское сооружение культового характера. В Японии пагода представляет собой многоярусную башню, используемую в качестве храма.

щий с ним обращаться, может противостоять пятерым. Посох горного отшельника был вырезан из прочного дуба и доставал ему до макушки. Не исключено, что внутри он был пустым, и там пряталась прочная цепочка с грузом на конце. Ее можно было бросить в противника для того, чтобы сбить его с толку, свалить с ног или выбить оружие из рук. А возможно, в посохе прятался клинок, и в нужный момент с виду невинная палка превращалась в копьё.

Время шло. Гоэмон и впрямь начал ощущать себя частью скалы. Он даже дышать стал гораздо реже, а биение сердца совсем не чувствовалось, словно оно остановилось. Мальчик превратился в каменное изваяние, совершенно неподвижного идола, с отрешенным видом смотрящего на панораму дальних гор.

Неожиданно ямабуси поднялся, достал из сумки, висевшей у него на боку, яйцо фазана и с хитрой ухмылкой пристроил его на голове юного синоби. Стоило Гоэмону чуть-чуть дрогнуть, и яйцо упадет и разобьется. Похоже, горный отшельник испытывал Гоэмона. Но зачем? Какое дело этому волшебнику, знаменитому мастеру боевых искусств, до неизвестного ему мальчика, отбывающего наказание, который только постигает искусство ниндзюцу и пока даже не полноценный гэнин⁸?

Сохранение равновесия в школе ниндзюцу считалось одной из главных дисциплин. Как только Гоэмон и его сверстники, которым едва исполнилось пять лет, научились хорошо ходить, бегать, прыгать и плавать, им пришлось заниматься гимнастическими упражнениями на бревне, которое располагалось над самой поверхностью земли. Бревно постепенно поднимали все выше и выше, одновременно уменьшая в диаметре, а упражнения значительно усложнились.

Целыми днями юные ученики школы ниндзюцу Ига-рю, в которой учился Гоэмон, совершенствовали растяжку, садясь на «шпагат», совершали прыжки, стараясь не свалиться с бревна, делали перевороты, а также сальто вперед и назад. Затем бревно Учитель заменил тонкой жердью, а со временем и веревкой – сначала туго натянутой, а затем провисшей.

Но высшим шиком, упражнением, на которое сподобились только два ученика школы (в том числе и Гоэмон), было хождение по канату с чашкой, наполненной кипятком. Ее ставили на макушку, и юный синоби должен был пройти по канату, не пролив ни капли. Правда, такой трюк Гоэмон впервые проделал, когда ему исполнилось одиннадцать лет. Поэтому он лишь мысленно рассмеялся, когда ямабуси положил ему на голову яйцо фазана – эка задачка!..

Наконец последняя песчинка упала в невидимый сосуд внутри Гоэмона (ему показалось, что где-то в горах в этот момент загрохотал гром) и время наказания истекло. Он легко, непринужденно и быстро, словно белка, спустился со скалистого выступа на ровную землю, по-прежнему удерживая яйцо на голове, а затем уронил его в свою ладонь и с поклоном протянул ямабуси.

– Похвально, похвально... – с удовлетворением сказал старец, оглядывая мальчика с головы до ног. – Чувствуются большие способности... Как тебя зовут?

– Гоэмон, – ответил мальчик.

С именами детей в его семье особо не морочились. Отец, который редко бывал дома, дал наказ называть своих отпрысков по принципу нумерации. У мальчика было четверо братьев: первый и самый старший Итиро, за ним шел Дзиро – второй, затем третий – Сабуро, четвертый – Сиро. И только когда родился пятый сын, отец почему-то отошел от «номерной» традиции (благо в этот момент он находился дома, отдыхал после очередного задания) и назвал его Гоэмон. Была у мальчика и сестра, младшая, совсем кроха; она еще лежала в колыбели.

– Кто твой отец? – продолжал расспросы горный отшельник.

– Хаттори Юсанага, – не без гордости ответил Гоэмон, расправив плечи.

⁸ Гэнин – «нижний ниндзя»; рядовой лазутчик, нижняя ступень в иерархии ниндзя.

Он имел полное право гордиться своим отцом. Хаттори Юсанага имел большой авторитет среди кланов острова Хондо, вот только не о всех его подвигах можно было рассказывать. О них знал только дзёнин⁹ клана Хаттори.

– Достойный сын достойного отца... – Ямабуси остро прищурился. – Надо же, так неожиданно...

Последнюю фразу Гоэмон не понял. Похоже, отшельник отвечал своим мыслям.

– Проводи меня в деревню, – сказал «спящий в горах», и они пошли по узкой тропинке, которая вилась среди нагромождения камней, время от времени ныряя в лесные заросли.

Мальчик мысленно отдал должное проницательности ямабуси. Конечно, такой большой мастер и сам мог бы дойти до деревни, но это было опасно даже для него, несмотря на то что он уже бывал здесь. Многочисленные ловушки и капканы на пути оставляли мало шансов остаться в живых тому, кто отважился бы тайком пробраться в обитель клана Хаттори. Даже опытный ниндзя из какого-нибудь враждебного клана, разведав, где находятся эти ловушки, чтобы потом провести в деревню войско сёгуна, мог попасть впросак, потому что время от времени некоторые элементы защиты передвигались в другое место или усовершенствовались.

Шли они молча. Гоэмон был предельно сосредоточен и напряжен, и горный отшельник не мешал ему досужими разговорами, понимая, что малейшее неточное движение – и из зарослей вылетит стрела с отравленным наконечником или под ногами разверзнется глубокая яма с острым колом по центру. Тропа представляла опасность даже для жителей самой деревни. Детям и глубоким старикам вообще запрещалось ходить по ней. Множество ловушек было разбросано и по другим направлениям. Часть из них были сигнальными, а некоторые (в виде камнепадов) могли похоронить целую армию. Кроме того, на горных возвышенностях вокруг деревни были оборудованы наблюдательные посты, которые дымом подавали сигнал о приближении противника. А посреди деревенской площади имелась башня с колоколом, звон которого созывал всех синоби на защиту владений клана.

Наконец показались первые дома деревни и Гоэмон облегченно вздохнул. Мальчика тяготило присутствие ямабуси за спиной, тяжелый взгляд которого, казалось, пригибал его к земле. Вежливо поклонившись «спящему в горах» и получив в ответ слова благодарности, Гоэмон поторопился к своему жилищу. Сегодня из-за наказания, которое потребовало огромного физического напряжения, по милостивому распоряжению Учителя он пропускал занятия в школе ниндзюцу, поэтому весь остаток дня мог посвятить отдыху и домашним делам.

Горный отшельник задумчиво посмотрел вслед мальчику, затем кивнул головой, соглашаясь с какими-то своими мыслями, улыбнулся и направился к жилищу старого Хаттори Ясунаги, хотя, по идее, должен был, прежде всего, нанести визит старосте деревни. Ясунага давно отошел от дел и наслаждался заслуженным покоем. Тем не менее он пользовался огромным авторитетом, и не только среди своего клана. В прошлом он был знаменитым гэнином, и за его голову не раз назначили большие награды, но поймать Хаттори Ясунагу оказалось не легче, чем ветер в паруса судна, когда на море стоит полный штиль.

Дом Гоэмона представлял собой каркас, стойки которого опирались на небольшие камни с отверстиями в верхней части – для шипов. К стойкам крепились стены-решетки из тонких стволов бамбука, связанных жгутами рисовой соломы и оштукатуренных глиной. Внутри было несколько легких скользящих дверей и перегородок, оклеенных с двух сторон плотной бумагой. Дом имел пять окон, закрытых тонкой и прозрачной рисовой бумагой, пропитанной рыбьим клеем, защищавшим от влаги.

⁹ Дзёнин – «высший ниндзя». Дзёнин заключал договоры с нанимателями, разрабатывал планы работы секретной службы, направлял деятельность зачастую мало связанных друг с другом «спецгрупп». Дзёнин был хранителем и воплощением традиций школы (рю) ниндзюцу, посвященный во все тонкости шпионской работы. Имя дзёнина было строго засекречено. Это гарантировало его безопасность, так как никто из рядовых лазутчиков, даже под пытками или позарившись на щедрую взятку, не мог рассказать врагу о нем ничего определенного.

Мебели в доме не было (все спали на полу), за исключением китайского чайного столика, украшенного перламутром и лаковой росписью. Этот столик отец Гоэмона добыл, когда выполнял очередное задание; уж очень он ему приглянулся. Пол покрывали светло-зеленые циновки из рисовой соломы, обшитые черной тесьмой по длинным сторонам, а шкафы для утвари и постельных принадлежностей были скрыты внутри стен. Все комнаты имели углубление в полу, где стояла глиняная жаровня; с ее помощью отапливали помещения в зимнее время и кипятили воду для чая.

Деревянный пол настелили лишь в приемной комнате, где находилась и ниша токономы¹⁰. В остальных помещениях полы были глинобитными. На стене токономы висел древний свиток с изрядно потертой надписью старинными иероглифами – семейная реликвия семьи Гоэмона, под ним струился тонкий дымок курильницы, а на переднем плане на специальной подставке покоились красивые лакированные ножны с кусунгобу – тонким прямым кинжалом для сэппуку (харакири); честь в клане Хаттори была превыше всего.

В комнате для приемов вместо жаровни находился камин – ирори. В плане он был квадратным, вкопан в землю, облицован диким камнем и до половины заполнен чистым речным песком. Так как в доме не было дымоходов, и в жаровни, и в ирори засыпали древесный уголь, который почти не дымил.

На женской половине дома время от времени слышалось тихое постукивание. Это мать Гоэмона, которую звали Мориико, занималась с его младшей сестрой, которая еще находилась в колыбели. Мать была сиротой, ее нашли в лесу совсем крохой, поэтому и называли Мориико – «лесной ребенок». Судя по богатой одежде, она принадлежала к какому-то самурайскому¹¹ роду, погибшему во время одной из междоусобиц, которые на острове Хондо случались чаще, чем грозные дожди. Видимо, ее роду была объявлена кровная месть, когда не щадили ни женщин, ни детей. Ее спасла кормилица, умершая в лесу от ран. Мориико взял в семью и вырастил Хаттори Ясунага, обладавший добрым сердцем, несмотря на все жестокости, которые ему приходилось творить.

Мать тренировала свою маленькую дочь. Она учила ее не бояться ударов. Для этого Мориико раскачивали колыбель так, что та билась о стену. Все это было хорошо знакомо Гоэмону. Ребенок на первых порах пугался сотрясений, ударялся о стенки колыбели и плакал, но постепенно привыкал и инстинктивно сжимался в комочек при толчке. Спустя какое-то время упражнение усложнялось. Ребенка вынимали из колыбели и подвешивали на вожжах. В таком состоянии при соприкосновении со стенкой он должен был не только сжаться, но и смягчить удар ручкой или ножкой.

До замужества Мориико была куноити – женщиной-ниндзя. Так воспитал ее Хаттори Ясунага. Во время заданий Мориико выдавала себя за бродячую артистку; эта профессия удавалась ей больше всего. Наверное, сказывалось происхождение: Мориико была умна, и учение ей давалось очень легко. Она прекрасно пела, играла на трехструнном сямисэне, рисовала и даже сочиняла стихи – хокку¹². Тем не менее, несмотря на свою внешнюю хрупкость и миловидность, Мориико была опаснее кобры. О ее подвигах в юности знали немногие, сам дзёнин запретил распространяться на эту тему. Видимо, задания, которые выполняла Мориико, были чересчур важными и тайными.

¹⁰ Токонома – представляет собой неглубокую нишу в стене помещения, где располагается или традиционная японская гравюра, или свиток с каллиграфически написанным изречением, девизом или стихотворением, а также курильница с благоговениями и часто икебана – небольшая цветочная композиция. Самого почетного гостя усаживают спиной к токонома.

¹¹ Самураи – в феодальной Японии светские феодалы, начиная от крупных владетельных князей (даймё) и заканчивая мелкими дворянами; в узком и наиболее часто употребляемом значении – военно-феодальное сословие мелких дворян.

¹² Хокку – трехстишие; жанр традиционной японской лирической поэзии вака (букв. «японская песнь»), известный с XIV века. Современное название – хайку.

Немного поразмыслив, Гоэмон решил приготовить себе запас хёрогана – съестных пилюль, хорошо утоляющих голод. Без них ни один синоби не выходил на задание. Благодаря хёрогану лазутчики могли неделю, а то и больше сидеть в засаде, не теряя силы. Приняв решение, Гоэмон, не мешкая, подсыпал в камадо (глиняную печь, на которой готовили еду) древесного угля, разжег очаг и, пока угли разгорались, начал готовить состав хёрогана, который каждый род ниндзя держали в тайне от остальных. Все синоби умели готовить съестные пилюли, но рецепты хёрогана были разными.

Гоэмон смешал восемь моммэ¹³ перетертого в порошок женьшеня, сорок моммэ высушенных и измельченных до порошкообразного состояния колобков моти, испеченных из клейкого риса особого сорта, сорок моммэ ячменя, двенадцать моммэ солодки, четыре моммэ имбиря, двадцать моммэ желтков куриных яиц и немного меда. Тщательно все это перемешав и добавив сливовой водки, он подвесил котелок на крюк над печью. Варка хёрогана требовала большой ответственности и внимания; смесь нужно было постоянно помешивать деревянной лопаточкой и следить за тем, чтобы угли не горели, а спокойно тлели. После варки из смеси лепили небольшие шарики и высушивали их – для длительного хранения.

Камадо располагалась в прихожей, сразу за входной дверью, – там, где пол был земляным. Печь соорудили таким образом, чтобы нагревать пространство между досками приподнятого пола и землей, а также сам пол в комнате для приемов. Холодными зимними вечерами, перед сном, вся семья (по крайней мере те, кто не был на задании) собиралась вокруг котла – большой жаровни в приемной комнате, наслаждаясь теплом, которое исходило от горящих угольев и которым дышал пол.

Сев возле печи на круглую толстую циновку, Гоэмон задумался. Он был не по годам мудр и рассудителен, а по уму пошел в мать. Но главное заключалось в том, что юный синоби обладал даром предвидения. Эту способность имели многие синоби, но она появлялась у них после долгих лет тренировок и сражений, уже в зрелом возрасте. А Гоэмон получил ее в наследство.

Он с детства умел предвосхищать события, за что Учитель неоднократно его наказывал. Наставник Гоэмона уже был изрядно в годах и не мог смириться с тем, что неоперившийся птенец с легкостью разбирается в загадках, которые практически все сверстники Гоэмона считали неразрешимыми. И когда они беспомощно разводили руками, не в состоянии справиться с задачей, на сцену обычно выступал мудрый Учитель и втолковывал им что, как и почему. Но только если он успевал опередить Гоэмона. Мальчик по своей неопытности старался бежать впереди лошади, Учитель, естественно, сердился и при малейшей оплошности наказывал Гоэмона, хотя другим ученикам такие провинности обычно прощал.

С годами Гоэмон сообразил, из-за чего впал в немилость Учителя, но уже было поздно – тот по-прежнему придирался к нему по любому поводу. Но, возможно, это было и к лучшему. Теперь любое учебное задание Гоэмон выполнял на пределе своих возможностей (а они уже были у него немалые) и благодаря этому преуспевал в ниндзюу.

У Гоэмона не выходил из головы таинственный ямабуси. Мальчик уже знал, что он появляется в деревне чрезвычайно редко, только в особо важных случаях. Но что могло подвигнуть «спящего в горах» проделать длинный и опасный путь по горам, где бесчинствовали не только разбойники, но и отряды сёгуна? Вроде большая война не намечалась, а мелкие стычки, в которых участвовали и лазутчики клана Хаттори, происходили постоянно и стали обыденностью. И потом, почему ямабуси не удостоил своим посещением всеми уважаемого старосту, как полагалось по обычаю, а направился сразу к Хаттори Ясунаге, который, несмотря на свои заслуги, не имел никакого поста в иерархии клана? Это было, по меньшей мере, странно...

Тем временем в доме Хаттори Ясунаги шел разговор как раз о Гоэмоне. Ямабуси, весьма уважаемый и почетный гость, конечно же, сидел спиной к нише токономы. Она была похожа

¹³ Моммэ – японская единица веса. Один моммэ – примерно 3,75 г.

на ту, что находилась в доме Гоэмона, только на месте обязательного для японцев свитка с изречением какого-нибудь древнего мудреца висела картина, явно написанная китайским художником. Она изображала Инлуна – крылатого дракона, повелевающего дождями. Он помог небесному повелителю Хуан-ди победить войско великана-колдуна Чи Ю, оспаривавшего у Хуан-ди власть над миром.

Хаттори Ясунагу было не узнать. В деревне он представлялся безобидным старичком, спину которого согнули прожитые годы, а здоровье изрядно подточили сопутствующие преклонному возрасту хвори. Он был приветлив, улыбчив, особенно его любили дети, для которых у старого Ясунаги всегда было наготове доброе слово и какие-нибудь сладости. Перед горным отшельником сидел, конечно же, седобородый старец, но спину он держал прямо, движения его были быстры и уверены, а совсем не старческие глаза сверкали остро и суровый взгляд был жестким и беспощадным.

Конечно же, следуя древней традиции, он старался не встречаться со своим гостем взглядами. Ведь смотреть прямо в глаза собеседнику (тем более ямабуси, который имел очень высокий статус) было неслыханной дерзостью. За такой поступок любой из японцев в лучшем случае был бы удостоен презрения, а в худшем мог поплатиться жизнью.

Старому Ясунаге не было смысла скрывать свою истинную сущность перед ямабуси. Тот давно знал, что Ясунага – хорошо законспирированный дзёнин клана Хаттори. Они пили чай и неспешно беседовали. Горного отшельника интересовал Гоэмон. Рассказывал Ясунага:

– ...Весьма прилежен и упорен в занятиях. Успехи выше среднего уровня. Не по возрасту умен, с отличной реакцией. И самое главное – у него талант предвидения. Обескуражить Гоэмона практически невозможно. Я приказал тюнину¹⁴, чтобы лучшие синоби попытались застать мальчика врасплох. Увы, никому так и не удалось это сделать... – Хаттори Ясунага неожиданно расплылся в улыбке, мигом превратившись в добродушного старичка, коим представлялся последние двадцать лет, с тех пор как стал дзёнином. – Нужно сказать, это здорово их разозлило...

Ямабуси улыбнулся в ответ и сказал:

– Я тоже пытался подобраться к нему поближе и едва не получил порцию сюрикенов. Древняя пословица гласит, что деревья сажают предки, а их тенью пользуются потомки. И это верно. Гоэмон происходит из достойной семьи. Он знает, кто его родители и кто виноват в их гибели?

– Нет. Это лишнее. Гоэмон обязательно будет мстить, что не входит в наши планы.

– Согласен. Голодный волк не может стеречь поварню.

– Уважаемый сэнсэй¹⁵, я так понимаю, что ваш интерес к Гоэмону имеет некое практическое применение... – Глаза Хаттори Ясунаги жадно блеснули.

– Именно так, – подтвердил ямабуси. – Только на этот раз никакой оплаты за услугу не будет! – Горный отшельник верно истолковал блеск в глазах дзёнина.

Услуги клана Хаттори ценились очень высоко, а уж старый Ясунага умел торговаться и всегда получал то, что хотел.

– Намбандзины¹⁶ смущают наш народ, – продолжил ямабуси. – Они принесли к нам свою веру и утверждают, что только она истинна. Но если христианский Бог создал людей, то почему он сам не подарил японцам свое учение сразу, а передоверил это дело намбандзинам через пол-

¹⁴ Тюнины представляли среднее звено в иерархии ниндзя. Это командиры небольших отрядов, как правило, в 30–40 человек. Тюнины решали конкретные задачи, осуществляя непосредственное руководство во время операций, ведали вопросами по налаживанию явок, вербовке осведомителей, тренировке личного состава, передавали приказы дзёнина рядовым синоби.

¹⁵ Сэнсэй («рожденный раньше»; старший, учитель) – в Японии вежливое обращение к значительному лицу или старшему по возрасту человеку.

¹⁶ Намбандзины – южные варвары (*яп.*); так японцы называли португальцев, первых из европейцев, посетивших Японию, из-за того, что их корабли приходили с юга. Кроме того, португальских моряков они считали грубыми и неучтивыми.

торы тысячи лет? Как такое могло случиться, что Сына Божьего распяли? И как можно поклоняться такому слабому, беспомощному Богу?! Прощая грехи разбойникам на исповеди, священники южных варваров становятся опорой и учителями мятежников! И потом, отдать жизнь можно за свой клан, за свою семью, за господина, но не за веру, как учат намбадзины.

– Я с вами согласен, сэнсэй... Кгм! Но прошу извинить меня за, возможно, бестактный вопрос: при чем здесь Гоэмон?

– Теперь уже понятно, что намбадзины – враждебная сила для японцев. Им не место на нашей земле. Однако у них много кораблей и пушек, против которых бессильны самые храбрые самураи. Но самое главное и опасное – им благоволит сёгун Асикага Ёситэру (что достаточно убедительно характеризует его весьма скромные умственные способности и чересчур юный возраст). Тем не менее южных варваров нужно изгнать из Нихон¹⁷. Обязательно нужно! Но чтобы победить врага, надо хорошо изучить его.

– И вы полагаете, что Гоэмон лучше всех справится с ролью лазутчика в стане намбадзинов, – подхватил мысль ямабуси Хаттори Ясунага.

– Да. Он молод, умен, умеет читать и писать, и, надеюсь, хорошо обучен как синоби. Кроме того, его кожа светлей, чем у большинства японцев, так как мать Гоэмона была из племени айнов¹⁸. Намбадзины больше доверяют тем, кто похож на них. И еще одно: поскольку его миссия пойдет на благо всех японцев, она будет считаться священной. – Тут голос ямабуси стал твердым, как закаленная сталь. – Это значит, что Гоэмон получит поддержку нашего храма. Что касается клана Хаттори, то он должен гордиться такой честью и забыть о корысти.

– Ваше слово, сэнсэй, – закон... – Хаттори Ясунага склонил голову.

Он с трудом скрывал огромное разочарование; у него были свои виды на Гоэмона, обещавшие немалую прибыль. Увы, теперь придется смириться с этой печальной потерей. Ясунага, конечно, мог бы начать торг, но если уж храм, к которому принадлежал его гость, принял такое решение, ни о какой плате за услуги юного синоби не может идти и речи. Услуга храму – это святое. Если дзёнин станет торговаться, он потеряет лицо.

– Я заберу Гоэмона с собой, – сказал ямабуси. – Но прежде нужно проверить его в деле. Дайте ему серьезное задание, и мы посмотрим, как он себя покажет. Только пусть его подстрахуют самые опытные синоби! Мне он нужен живым и неувечным.

– Будет исполнено...

На этом их разговор о делах был окончен и ямабуси вместе с хозяином стал чаевничать. Койтя – густой и очень крепкий порошок чай – был у Хаттори Ясунаги превосходным, и ямабуси мелкими глотками с наслаждением прихлебывал ароматный напиток. Он был доволен собой. Зная строптивый характер старого Ясунаги, он ждал протестов, торга, однако тот даже мимикой не показал, что огорчен потерей подающего надежды синоби. Видимо, дзёнин проникся важностью предстоящего задания и сумел усмирить присущую ему жадность в денежных делах.

На деревню медленно надвигались вечерние сумерки.

¹⁷ Нихон, Ниппон – начало Солнца (*яп.*); так японцы издревле называли свою страну.

¹⁸ Айны – древнейшее население Японских островов. Ни своим обликом, ни своей культурой айны не похожи ни на какой другой народ Восточной Азии. Ближе всего они к белой расе. На протяжении 650 лет айны воевали с японцами-захватчиками и были окончательно сломлены лишь к концу XVII века.

Глава 2

Схватка в харчевне

Гоэмона окружала густая темень. Он находился в одной из горных пещер, которыми изобиловали окружающие деревню горы. Юный синоби сидел в пещере уже пятый день. Он не был наказан; просто пришла пора в очередной раз потренировать ночное зрение. В принципе, ему хватило бы от силы трое или, на худой конец, четверо суток, – за годы постоянных тренировок Гоэмон стал видеть в темноте как кошка – но Учитель решил, что этого маловато, и назначил подростку более продолжительный срок для медитаций. К тому же число «четыре» считалось среди синоби несчастливым, так как его написание было похоже на иероглиф слова «смерть».

Конечно, мрак не был абсолютным. Разве что ночью. Несмотря на то, что вход в пещеру находился далеко от того места, где в позе «лотоса» сидел Гоэмон, дневной свет все же пробивался снаружи в темное узилище мальчика. Но его сила была столь незначительна, что мало могла помочь тому, кто впервые попадал в утробу горы. Синоби тренировали ночное зрение регулярно, и пять суток медитаций в пещере не были пределом. Когда Гоэмон оказался здесь впервые, ему пришлось просидеть в пещере почти две недели. И все равно поначалу в темноте он почти ничего не видел. Но сейчас Гоэмон различал даже светлые прожилки, пронизывающие каменный свод пещеры.

После посещения деревни горным отшельником прошла неделя, и вдруг юный синоби почувствовал беспокойство. Оно не было мимолетным и продолжало усиливаться. А когда помощник Учителя вывел его из группы и начал заниматься с ним индивидуально, тщательно шлифуя все те знания, которые Гоэмон получил за годы интенсивных тренировок, мальчик и вовсе ощутил внутри внезапный жар. От природы наблюдательный и способный к анализу, он понял, что его должны отправить на первое задание. В клане Хаттори, при срочной необходимости, лазутчиками могли быть все, начиная с подростков и кончая седобородыми старцами.

Это открытие придавало Гоэмону сил. Похоже, сам дзёнин положил на него глаз, потому что операции с привлечением юных синоби проходили только с его разрешения; клан берег подрастающую смену.

Любой ниндзя всегда был готов к неудачному исходу операции. Если он попадал в руки врагов, то кончал жизнь самоубийством, вонзив себе в горло кинжал или, если по каким-либо иным причинам не успевал заколоть себя, то раскусывал капсулу с ядом, которую в ходе чрезвычайно опасного задания всегда предусмотрительно держал за щекой.

Обычно самураи, верные «Бусидо»¹⁹, не пытали военнопленных благородного происхождения. Редко унижались они и до истязаний простолюдина, на котором можно было разве что испробовать остроту клинка. Другое дело – хитрые и коварные синоби, всегда наносящие удар исподтишка, владеющие коварными приемами рукопашного боя и колдовским искусством перевоплощения. Если «ночной демон» попадался им в руки живым (что случалось крайне редко), его истязали особо изощренно.

С неудачливых ниндзя сдирали кожу, посыпая раны солью, поджаривали на медленном огне, отрезали один за другим пальцы рук и ног, подвергали «муравьиной пытке», привязывали к полуму металлическому столбу, внутри которого горел огонь. Излюбленным способом расправы с пойманными лазутчиками было превращение их в «свинью». Им отсекали нос, уши,

¹⁹ Бусидо – «путь воина» (яп.) – кодекс самурая, свод правил, рекомендаций и норм поведения истинного воина в обществе, в бою и наедине с собой, воинская мужская философия и мораль, уходящая корнями в глубокую древность.

руки и ноги и оставляли искалеченных синоби на растерзание диким зверям, птицам или бродячим собакам.

Но одно дело – взрослые ниндзя, а другое – дети. Юные, не до конца сформировавшиеся синоби могли не выдержать изуверских пыток и рассказать на допросе все, что знали. И хотя обычно известно им было немного, только конкретное задание, не более того, тем не менее для опытных истязателей хватало одного лишнего слова, чтобы понять, куда тянутся нити заговора или измены. Это означало для дзёнина не только потерю лица, но и больших денег, так как наниматели, обычно владетельные князья, платили «ночным демонам» не скупясь.

Кроме различных упражнений – своего рода повторений пройденного, Гоэмона заставляли подолгу играть на флейте и исполнять различные акробатические упражнения. До них он всегда был охоч, так как они и близко не ровнялись с тем напряжением, которое приходилось испытывать на ежедневных тренировках с раннего утра и до ночи. Именно эти занятия и натолкнули Гоэмона на мысль, что пришла и его пора выйти в большой мир в качестве лазутчика.

Любой синоби с детства прилежно изучал «Ситиходэ» – «Семь способов ходить», включающих в себя семь личин, которые лазутчик должен был использовать в той или иной ситуации. Конечно, Гоэмон из-за возраста пока не имел возможности маскироваться под священника-комусо, под ямабуси или под самурая. Не мог он и собирать по деревням подаяние, как сьюккё, человек, который оставил свой дом, чтобы изучать учение Будды – опять-таки из-за своих малых лет. Не смыслил Гоэмон и в танцах, как хокаси – путешествующий актер. Для этого нужен был определенный талант, который у мальчика отсутствовал напрочь.

Оставались сёнин – странствующий торговец (здесь возраст не служил помехой) и саругакуси – бродячий фокусник и акробат, развлекающий публику игрой на музыкальных инструментах и умеющий исполнять различные «волшебные» трюки. Похоже, Гоэмону предстояло надеть на себя одну из этих личин (а то и две – поочередно). Правда, саругакуси чаще всего путешествовал вместе с дрессированной обезьянкой, но Гоэмон надеялся, что об этом позаботится его непосредственный начальник-тюнин уже на месте.

Гоэмон знал, что в городах и деревнях по всей Нихон живут тайные члены клана Хаттори, прошедшие многолетнее обучение. Их маскировка была безупречной, они ничем не выделялись из общей массы горожан и крестьян, но в нужный момент эти агенты готовы были исполнить любое приказание дзёнина, переданное им через посредника. В том числе и обеспечить всем необходимым любого лазутчика, который вышел на задание...

Мальчик тряхнул головой, отбрасывая ненужные мысли, и тут же почувствовал, что сильно проголодался. Он достал из сумки шарик кикацугана, размером с небольшой рисовый колобок, и медленно съел его. Кикацуган он взял из запасов отца. Хаттори Юсанага был не только большим мастером ниндзюцу, но еще и знатоком различных составов, способных подолгу поддерживать тело и разум синоби в боевом состоянии. Конечно, кикацуган придумали до него, но отец Гоэмона усовершенствовал древний продукт, и теперь он мог утолять не только голод, но и жажду.

Состав кикацугана было сложным, однако Гоэмон знал его наизусть. В него входили женьшень, мука пшеничная и гречневая, японский батат, мука из моти и еще много чего, в том числе и разные травы. Смесь заливали сакэ²⁰ и настаивали три года, а затем лепили из нее шарики. Достаточно было съесть три шарика кикацугана в течение дня, чтобы не испытывать ни голода, ни жажды и чтобы восстановить силы.

²⁰ Сакэ, нихонсю – национальный японский алкогольный напиток крепостью от 14,5° до 20°. Многие ошибочно именуют этот напиток рисовым вином или рисовой водкой, что в корне неправильно. Сакэ по технологии производства можно сравнить с пивом. Основу напитка традиционно составляют два ингредиента – вода и рис.

Кикацуган был гораздо эффективнее хёрогана, поэтому Гоэмон решил воспользоваться запасами отца, тем более что Хаттори Юсанага дал сыну такое разрешение. Долгое пребывание в темной пещере отнимало энергии не меньше, нежели самые трудные тренировки. Ведь всем известно, что в темноте водится разная нечисть, которую воин синоби должен одолеть силой духа. А для мальчика победить невольный страх перед потусторонними силами было непросто.

Неожиданно со стороны входа в пещеру возникло свечение, спустя какое-то время послышались шаркающие шаги, а затем появился и длинноротый старик с факелом в руках, который опасливо держался поближе к стенам пещеры. Гоэмон оживился – это был Хенаукэ. Он жил в некотором отдалении от деревни и «заведовал» пещерами, где юные синоби тренировали ночное зрение. В его обязанности входило избавление пещер от непрошенных «квартирантов», которые искали в них приют на зиму. Среди них были и медведи, и змеи, и крысы. Старый Хенаукэ варил какое-то снадобье и раскладывал его в укромных уголках пещер. Вреда людям оно не наносило, но напрочь отбивало охоту у животных и пресмыкающихся вторгаться в «учебные классы» синоби.

В отличие от жителей деревни, среди которых лишь немногие имели жидкую бородавку, Хенаукэ был косматым, словно какое-нибудь лесное чудовище. Это обстоятельство вызывало зависть у деревенских стариков, которые к преклонным годам становились плешивыми. Их утешало лишь одно – то, что Хенаукэ был не совсем японцем. Он принадлежал к древнему племени айнов, населявших остров до прихода японцев.

Несмотря на эти обстоятельства, в клане Хаттори старый Хенаукэ пользовался большим уважением. Он был непревзойденным мастером по изготовлению лекарств и ядов. Все ниндзя умели себя лечить, но только редкие из них были настоящими яси – знахарями, ведающими сокровенными тайнами целительства. У Хенаукэ это был природный дар; казалось, что ему помогает сама земля. Именно так в клане Хаттори и думали, ведь что ни говори, а остров Хондо был родиной старого айна, местом, где веками жили его предки.

По натуре Хенаукэ был нелюдим, неразговорчив и старался поменьше общаться с жителями деревни. И только к Гоэмону он испытывал какую-то странную привязанность. Когда у мальчика выпадало свободное время, он бежал к хижине отшельника. Тот поил его горячим травяным настоем (он был гораздо вкуснее, нежели зеленый чай койтя) и начинал учить его знахарским премудростям.

Сообразительный мальчик схватывал его науку на лету. Под руководством старика он научился готовить смесь из золы листьев коровьего гороха и лебеды, хорошо лечившей раны от меча или копья. Гоэмон узнал, что для остановки кровотечения рану нужно посыпать золой соломы и положить сверху разжеванные листья зеленого чая. А при колотом ранении ступни рану надо окуривать дымом старой одежды и всякой ветоши, окрашенной индиго. Эта процедура способствовала остановке кровотечения и снимала боль...

Но все эти познания отступали перед искусством приготовления разнообразных ядов, в котором старому Хенаукэ не было равных. Казалось, что может быть ядовитым в зеленом чае высшего сорта с поэтическим названием гёкуро – «яшмовая роса»? Он пользовался большой популярностью среди синоби. Но старый айн думал иначе. Он изобрел яд, следы которого не мог найти ни один ученый лекарь, не говоря уже о деревенских знахарях.

Крепко заваренный чай гёкуро Хенаукэ выливал в бамбуковую фляжку, плотно запечатывал ее и закапывал на сорок дней в глиняном обрыве, на солнечной стороне. Получавшуюся в итоге жидкую черную кашу следовало подмешивать в пищу жертвы на протяжении недели по две-три капли в день. В итоге здоровый человек тяжело заболел на тридцатый день, а спустя два месяца отправлялся на тот свет.

И конечно же, Хенаукэ научил Гоэмона готовить самый смертоносный яд «дзага-раси-яку». Для его изготовления нужно было в равной пропорции взять косточки плодов зеле-

ной сливы и зеленого персика и долго варить. Распылив в комнате этот яд в виде мельчайшей пыли, можно было за считанные мгновения отправить в мир иной с десятком врагов.

Но больше всего нравились Гоэмону рассказы старика о преданиях древнего народа айнов. Его глуховатый голос проникал в самые отдаленные уголки души юного синоби, вызывая какое-то странное чувство. Временами ему даже казалось, что он когда-то слышал все то, о чем говорил Хенаукэ.

Айны верили, что Земля состоит из шести миров. Люди живут в верхнем мире, представляющем собой океан с дрейфующими по нему островами. Океан с островами располагался на спине гигантского лосося. Когда он шевелился, на суше происходили землетрясения, а в океане – приливы и отливы. Во время штормов лосось глотает суда, от этого они и гибнут.

Под миром людей расположен мир демонов – мокрый подземный мир. Это влажный и сырой мир, куда после кончины попадают злые люди, которые терпят там назначенное им наказание. Рядом с ним мир богов. Туда боги забирают всех хороших людей после смерти. Обитатели этого мира ходят вверх ногами, так что ступни их ног соприкасаются со ступнями ног живых людей, обитателей верхнего мира...

Черные стены ночи окружали старика и его благодарного слушателя, в костре потрескивали угольки, огонь высвечивал седую бороду старика, оставляя в тени лицо, легкий сизый дымок поднимался к звездному небу и таял сразу над головами, где-то жалобно стонала ночная птица, и Гоэмону чудилось, что на спине лосося из людей остались только он и старый айн, а громадная рыбина плывет в космическом пространстве, вызывавшем в душе мальчика восхищение и ужас своей безбрежностью.

– Кхе, кхе! – прокашлялся старик, прячась за скальный выступ.

Это он так предупреждал о своем появлении – на всякий случай. Отправляясь на многодневные бдения в пещеры, ученики школы ниндзюцу обязательно брали с собой оружие. Внезапный выход из транса во время медитации в полной темноте был способен подвигнуть юного синоби на неадекватный поступок, и нарушитель спокойствия, кто бы он ни был, – зверь или человек, за короткий срок мог превратиться в морского ежа, нашпигованного стрелами, выпущенными из фукибари.

– Я давно услышал ваши шаги, дедушка Хе, – с облегчением улыбнувшись, успокоил Гоэмон старика.

Приход Хенаукэ означал, что тренировка ночного зрения закончена.

– Как ты тут? – задал старик дежурный вопрос.

– Вижу в темноте, как сова, – бодро ответил Гоэмон.

– Это хорошо... – Видно было, что старик чем-то обеспокоен, хотя и старался не подавать виду. – Однако хорошо-то, хорошо, да ничего хорошего...

– Что-то случилось? – встревожился юный синоби, верно истолковав поведение старика.

– Случится, мой мальчик. Уже завтра ты покинешь деревню и уйдешь в свет.

– Но ведь это здорово! Наконец я смогу испытать себя в настоящем деле!

– Знаешь, какие моменты самые опасные в судьбе ниндзя?

– Ну, их бывает много... – не очень уверенно ответил Гоэмон.

– Тоже верно. Тем не менее самыми опасными считаются первый выход на задание и последний, когда престарелому синоби пора на покой. Как бы хорошо человек ни владел своими чувствами, все равно ему от некоторой неуверенности трудно избавиться. Поэтому попытайся оставить голову совершенно пустой, чтобы в нее не проскользнула ни одна лишняя мысль.

– Я выдержу все! – твердо заявил Гоэмон и начал собираться.

– Кто бы сомневался... – тихо буркнул Хенаукэ. – Тот, у кого в жилах течет кровь древних, уже наполовину победитель.

– О чем вы? – не расслышав, что там бормочет старик, спросил Гоэмон, собирая в охапку сено, служившее ему постелью; в пещере не должно быть никакого мусора.

– Это я о своем.

– А...

– Возьми это... на удачу... – Старик сунул в руку Гоэмона палочку с надрезами.

– Что это? – спросил мальчик, ощупывая надрезы, расположенные в определенном порядке.

– Инау, ивовая палочка. Амулет айнов. Он служит посредником между миром людей и верховных божеств земли и воды. Если будет трудно, обратись к нему – и получишь помощь.

– Гохэй! Ведь это гохэй!

– Да, так называли инау японцы.

Гоэмон прижал палочку-амулет к груди, поклонился старому Хенаукэ и сказал:

– Благодарю тебя, дедушка Хе. Я недостоин такой чести. Гохей дороже всех подарков.

Он знал, что такие палочки-амулеты считались священными и были в каждом жилище клана, только их не держали на виду. Обращаться к амулетам с просьбами мог лишь глава семьи, притом в отсутствие домочадцев. Обычно амулеты использовали при жертвоприношениях божествам и духам во время похорон и на праздниках.

Теперь у него есть личный гохэй! Или инау, как называет амулет старый Хенаукэ. А значит, удача точно будет ему сопутствовать.

Приободренный, Гоэмон вышел из пещеры и какое-то время привыкал к дневному свету. Впрочем, свет был не совсем дневным – уже изрядно стемнело, хотя тропа, которая вела в деревню, была хорошо видна. Юных синоби, долго просидевших в пещере, обычно выпускали наружу именно в такое время, потому что яркий свет мог повредить глаза.

Едва мальчик вознамерился попрощаться с Хенаукэ, как старик молвил:

– До деревни не близко, а ты изрядно устал. Предлагаю отдохнуть до утра в моей хижине. На ужин у меня магои с рисом и овощами, так что голодным не уснешь.

Магои! Запеченная на углях рыба! У Гоэмона потекли слюнки. Отцовский кикацуган, конечно, хорош, но это еда воинов; да и можно ли черствый безвкусный колобок назвать полноценной едой? А вот черный карп-магои, приготовленный Хенаукэ, который обладал большими кулинарными способностями, был выше всяких похвал. Гоэмон имел возможность в этом убедиться несколько раз. Кроме того, карп считался символом благополучия и приносил удачу. А она ой как нужна была Гоэмону...

Хижину старого айна даже опытный следопыт мог заметить только с близкого расстояния. Задней стеной ей служил скальный обрыв, да и сама она была сложена из дикого камня вперемежку с деревянными скрепами. Свое жилище старый Хенаукэ обустроил таким образом, чтобы можно было выдержать длительную осаду целого воинского отряда. Даже поджечь крышу не было возможно, потому что она представляла собой плиты природного шифера, на которых лежал слой дёрна. Кроме обычной двери существовала еще и дверь-«мышеловка» – тяжеленная каменная плита, перекрывающая вход в хижину при нажатии тайного рычага. Она могла расплющить в лепешку любого, кто попытался бы проникнуть в жилище старого Хенаукэ с помощью грубой силы.

Но и это еще было не все. Хенаукэ не принадлежал к клану Хаттори, тем не менее ниндзюцу владел в совершенстве. Для синоби старик служил чем-то вроде кладези тайных знаний; он прожил так долго, что, казалось, ему известно все на свете. Хенаукэ с давних пор был наподобие ямабуси, поэтому его никогда не привлекали в качестве гэнина. Да он и не стал бы подчиняться японцам, которых считал захватчиками. Хенаукэ просто сосуществовал с кланом Хаттори на взаимовыгодных условиях: со своей стороны он помогал юнцам усовершенствовать навыки синоби, а деревня за это давала ему рис на пропитание и одежду. Все остальное старик добывал себе сам: карпов ловил в озере, грибы и ягоды собирал в лесу, а дичь добывал

охотой в горах – в отличие от японцев, почти вегетарианцев (большой частью вынужденных), он не отказывал себе в удовольствии отведать жаркого.

Кроме двери-ловушки Хенаукэ устроил и второй, тайный выход. В обрыве, к которому он пристроил хижину, находилась пещера. Вход в нее (неширокую дыру) закрывал вращающийся камень, который старик подогнал так тщательно, что щели можно было увидеть, только приблизившись вплотную, да и то они походили на трещины. Ко всему прочему на задней стене хижины висели связки сухих лекарственных трав, поэтому никто из клана Хаттори не знал, что старый айн может в любой момент ускользнуть из хижины, чтобы за короткий промежуток времени, воспользовавшись подземным ходом, оказаться на другой стороне горы.

Не знал никто, за исключением Гоэмона. Два года назад Хенаукэ показал ему этот тайный ход с наказом держать язык за зубами. Зачем он это сделал, почему доверился мальцу, Гоэмон даже не мог представить. Но такое большое доверие вызвало в его душе добрые чувства, и он по обоюдному согласию стал называть старика не сэнсэем, а дедушкой Хе – будто родного...

Переночевав в хижине Хенаукэ, мальчик поднялся с утра пораньше и, снедаемый нетерпением, едва не бегом припустил к деревне. Старик долго смотрел ему вслед и шептал слова охранительной молитвы. А уже ближе к обеду Гоэмон вышагивал по горной дороге, одетый в бедную одежку, с большим коробом через плечо, в котором лежали разные безделушки – его товар. Тюнин для выполнения задания предложил ему надеть на себя личину сёнина – странствующего торговца. Она была для мальчика наиболее подходящей – хотя бы потому, что военное лихолетье привело японцев к обнищанию, и для многих единственным средством к существованию стала мелкая торговля в качестве корабейников. Поэтому по городам и весям Хондо слонялись сотни сёнинов разных возрастов, и среди них Гоэмон должен был затеряться, как упавший на землю древесный листок в осеннем лесу.

Юный синоби был практически безоружен. Разве можно считать оружием небольшой, изрядно сточенный нож, предназначенный для трапез? Ему не разрешили взять даже сюрикены. В последнее время участились нападения на высокородных господ, и городская стража тщательно обыскивала всех, кто входил в город. Но у Гоэмона была флейта. С виду невинный музыкальный инструмент мигом превращался в смертоносную фукибари, стоило лишь закрыть пальцами все отверстия и сильно дунуть. Флейта была «заряжена» даже тогда, когда Гоэмон наигрывал мелодии, поэтому ему ничего не стоило убить любого человека, не вызвав никаких подозрений. А запас ядовитых шипов был спрятан в его конической шляпе, сплетенной из соломы.

Несмотря на свою относительную беззащитность, в особенности перед шайкой разбойников или перед каким-нибудь самураем, которому захочется испытать своей катаной²¹ крепость его шейных позвонков, Гоэмон не испытывал страха. Он хорошо владел приемами тайдзюцу²², которыми в клане Хаттори начинали обучать всех юных синоби, едва они крепко становились на ноги.

Горные дороги в провинции Ига изобиловали опасностями даже для юного бедного корабейника. Горные разбойники могли похитить его и продать какому-нибудь хозяину морских промыслов, и тогда придется ему до конца жизни работать ама – ныряльщиком за морскими водорослями, моллюсками и жемчугом. Впрочем, жизнь ныряльщиков, тем более рабов, была коротка...

Тем не менее Гоэмон был спокоен. Он надеялся как на свою подготовку, так и на то, что где-то неподалеку, скрытые лесными зарослями, находятся ниндзя клана Хаттори, готовые в любой момент прийти ему на помощь. Это был наказ самого дзёнина – обеспечить Гоэмону

²¹ Катана – длинный японский меч (даито).

²² Тайдзюцу – японское искусство ближнего боя без оружия.

полную безопасность до тех пор, пока он не примкнет к какому-нибудь купеческому каравану, который направляется в Киото, столицу Нихон.

К ночи юный синоби успел добраться до горной деревеньки, славившейся своей просторной харчевней и сараем, где можно вкусно поесть и переночевать – пусть и не с удобствами, но под крышей. В харчевне былолюдно. Здесь собрались не только путешественники, но и жители деревни. Для них харчевня служила местом, где можно узнать последние новости, послушать игру бродячих музыкантов или услышать стихи странствующих поэтов, а также ублажить свой желудок чашечкой-другой сакэ. Гоэмон скромно пристроился на изрядно потерятой циновке за низеньким столиком в углу харчевни – с таким расчетом, чтобы видеть входную дверь – и заказал себе рис и овощи; сакэ ему не полагалось по возрасту.

Гоэмону очень хотелось отведать жаркого – на вертеле над большой жаровней скворчал добрый кусок мяса – но мальчик мужественно задавил в себе вполне естественное желание; откуда у бедного сёнина может быть серебро? Когда он заказывал ужин, хозяин харчевни так выразительно посмотрел на мальчика, что тому пришлось немедля лезть за пазуху, чтобы снять с бечевки, сплетенной из рисовой соломы, пару медных монет с квадратным отверстием по центру и заплатить за еду. Конечно же, у него были в кошельке и серебряные монеты – десять бу²³ – однако тратить их до столицы Гоэмон счел неразумным.

Ему подали большое блюдо с горкой риса, окруженной овощами. Изрядно проголодавшийся мальчик ел, не забывая о бдительности. Казалось, что его окружают люди, которым нет до него никакого дела, однако он помнил главный закон синоби: будь всегда, в любой обстановке настороже. Но люди разговаривали, спорили, пили сакэ, набивали свои желудки и совершенно не обращали внимания на какого-то ничтожного коробейника в худой одежке. Тем более, что в харчевне трудно было найти человека состоятельного – и крестьяне, и путешественники в большинстве своем относились к нижним слоям японского общества, и их одеяние мало чем отличалось от того, что напялил на себя Гоэмон. Только наряд проезжего купца, который сидел в окружении слуг неподалеку от входа, отдельно от всех, был пошит из дорогой и прочной материи.

Вьючных лошадок купеческого каравана возле коновязи нельзя было не заметить. Низкорослые и лохматые, они обладали удивительно злобным нравом. Лошади то и дело лягались и грызлись, как голодные бродячие псы над обглоданной костью, хотя свежей травы в кормушке было вдоволь. При этом они пронзительно ржали, и это ржание напоминало визг свиньи, приготовленной к закланию. Вместе с тем эти лошадки обладали чрезвычайной выносливостью, высокой скоростью и ловкостью, что для горных дорог, чаще всего представлявших собой извилистые тропы, нередко над пропастями, было весьма немаловажным обстоятельством. Повозки, запряженные быками, в горах провинции Ига встречались редко, большей частью в долинах.

Неподалеку от Гоэмона сидела компания, собравшаяся послушать бродячего поэта. Это был худосочный невзрачный человечико с жидкими волосами, усиками-перышками под носом и беспокойными руками, которыми он энергично жестикулировал, чаще всего невпопад. Казалось, что его руки живут отдельной жизнью от туловища и прикреплены к нему на ниточках. Гоэмон невольно покривился; ему не нравился такой дерганый человеческий тип. Синоби с детства приучали к плавным, точным движениям и абсолютной невозмутимости в любой ситуации.

Поэт декламировал:

Стая птиц перелетных

²³ Бу – денежная единица Японии из серебра и золота, проба которой постоянно ухудшалась. Серебряный бу был 975-й пробы и весил 2,6 г.

В холод ночи упала
И застыла на глади озерной.

Это были стихи хокку. Они показались Гоэмону просто великолепными и он невольно попенял себя за то, что начал судить поэта по его внешности. У него явно был незаурядный талант.

Синоби, особенно тот, кто намеревался носить личину странствующего актера, обязан был обучаться искусству сочинения хокку и танка²⁴. Увы, это было далеко не просто. Написать хороший стих не каждый был способен. А уж оценить, насколько эти стихи прекрасны и возвышенны, могли лишь очень чувственные и утонченные натуры, которым свойственна наблюдательность. Ведь хокку или танка – всего лишь одно мгновение жизни, запечатленное в словах. Гоэмону так и не удалось достичь вершин в этом искусстве. Да что вершин; он едва добрался до подножья поэтической горы! Тем не менее судить о качестве стихов мог вполне сносно.

Неожиданно входная дверь, состоящая из двух половинок, стремительно, со стуком, раздвинулась, и в харчевню ввалилась шумная компания ронинов²⁵. Судя по изрядно потрепанной, пестрой одежде странного покроя и лохматым, нечесаным волосам, которые не могла скрыть даже глубокая шляпа-ронингаса²⁶, они давно потеряли своих господ и теперь, мягко говоря, перебивались случайными заработками. Столетняя война почти закончилась, в стране постепенно наступал мир, однако далеко не все были этим довольны. Самураи и ронины с боевым опытом оказались не удел из-за уменьшения численности армий сёгуна и князей. Не имея других средств к существованию, многие из них стали организовываться в шайки и нападать на мирных путников и торговцев, грабить деревни и даже города. Сами они издевательски называли себя хатамото-якко – «слуги сёгуна», но народ дал им прозвище кабуки-моно – «клоуны», «сумасшедшие» за странные костюмы, невероятные прически и соленые военные словечки.

Кабуки-моно в основном нападали на небольшие горные деревеньки, не принадлежащие трем кланам ниндзя (Хаттори, Момоши и Фудзибаяси), контролировавших провинцию Ига. Несмотря на всю свою храбрость и безбашенность, бандитские шайки старались не связываться с бойцами кланов, хотя при удобном случае не отказывали себе в удовольствии попробовать остроту своей катаны на шее синоби, давшего маху.

Тем не менее кланы не старались извести всех разбойников провинции под корень. Это было им невыгодно по очень простой причине: истерзанным частыми набегами кабуки-моно деревням, которые не контролировали три главенствующих клана, поневоле приходилось обращаться к ниндзя с просьбой о защите. Просьбы удовлетворяли, но не бесплатно. Постепенно большая часть горных деревень провинции Ига стали данниками кланов, а самым жадным и упрямым приходилось нести большие убытки от разбойников, от которых они пытались отбиться собственными силами.

Не обращая внимания на присутствующих, ронины бесцеремонно протолкались к столу, за которым сидел Гоэмон. Только он был относительно свободным.

– Убирайся! – рявкнул один из ронинов и пнул Гоэмона ногой.

Огромным усилием воли задавив ярость, забушевавшую в груди, мальчик с деланной покорностью взял блюдо с остатками пищи и пристроился за соседним столиком, благо трапезничающие там добрые люди потеснились и освободили ему место.

²⁴ Танка – пятистрочная японская стихотворная форма (основной вид японской феодальной лирической поэзии), являющаяся разновидностью жанра вака.

²⁵ Ронин – деклассированный самурай феодального периода Японии (1185–1868 гг.), потерявший покровительство сюзерена либо не сумевший уберечь своего господина от смерти.

²⁶ Ронингаса – шляпа бродяг-самураев, прикрывавшая все лицо и по форме напоминающая абажур старинных ламп. Ронингаса имела впереди частые отверстия, через которые можно было смотреть.

К ронинам подбежал хозяин харчевни и, униженно кланяясь, спросил:

– Что пожелаете, господа?

– Сакэ! Побольше сакэ! – грубым голосом ответил ему старший из ронинов, судя по всему, гаварь. – И тащи сюда вертел с мясом!

Спустя короткое время весь столик, за которым еще недавно сидел Гоэмон, был уставлен разнообразной посудой (она была почти новой, не в пример той, которая стояла на других столах, за исключением купеческого) и кувшинами с напитком. Ронины (их было трое) жадно набросились на еду, вытирая жирные пальцы о свои кимоно²⁷. Сакэ полилось рекой. Вскоре они изрядно опьянели и начали скверно ругаться, обсуждая какие-то свои проблемы.

В какой-то момент они вдруг притихли и устались на столик, за которым ужинал купец со своими слугами. А затем начали шептаться, близко сдвинув головы. Гоэмон напряг свой уникальный слух. То, что он расслышал, очень ему не понравилось. Пьяные ронины совсем потеряли стыд; они стоваривались ограбить купца прямо в харчевне, нарушив закон гостеприимства. Нужно его предупредить! Гоэмон детально рассмотрел лицо купца, и оно ему понравилось. Похоже, купец был добр и щедр. Несмотря на свои малые годы, юный синоби был хорошим физиономистом. Определение внутренней сущности человека по его внешнему облику входило в одну из дисциплин школы ниндзюцу.

Впрочем, Гоэмон рассмотрел не только купца. От его острого взгляда не укрылся ни один клиент хозяина харчевни. Мальчик высматривал кансё – шпионов сёгуна, которые могли быть в любом обличье. То, что князь привлекал на службу ниндзя из кланов провинции Кога, секретом не являлось. Это были очень опасные противники, хотя и не настолько качественно подготовленные, как синоби клана Хаттори, много лет сотрудничающие с горными отшельниками ямабуси, большими мастерами воинских искусств.

Больше всего ему не понравился странствующий последователь Будды – сьюккё, сидевший неподалеку от купца. Судя по сединам и морщинистому лицу, он был очень стар. Вся одежда страстного приверженца буддизма была в заплатах, что говорило о его потрясающей нищете, однако он не стал попрошайничать, как обычно делали сьюккё, заходя в харчевни, а заплатил за свой ужин. Скорее всего, чтобы не привлекать к своей персоне излишнего внимания, решил Гоэмон. Но почему?

Сьюккё ел неторопливо, тщательно разжевывая каждое рисовое зернышко, всем своим видом давая понять, что спешить ему некуда. Его лицо было спрятано под шляпой путешественников – сандогасой – с широкими, загнутыми вниз полями и почти плоской вершиной, поэтому Гоэмон мог наблюдать его только по частям. И нужно сказать, что этот старый, невинный как дитя, последователь самой мирной религии почему-то вызвал у мальчика странное чувство. Это не было неприятие; скорее настороженность путника, который услышал шелест в сухой траве. Он еще не видит, кто там шуршит, но почти уверен, что это опасная ядовитая змея.

Странствующего последователя Будды выдавали руки. Они были темны, как его лицо, и даже имели сеть старческих морщин, но их форма и ширина ладоней подсказывали Гоэмону, что сьюккё совсем не такой немощный, как старается казаться. Такие мозолистые – «набитые» – руки могли принадлежать лишь мастеру ниндзюцу, который одним ударом был способен сломать человеку ногу или перебить позвонок у основания шеи. Что касается морщин, то Гоэмон лишь ухмыльнулся про себя; за пару часов любой синоби мог превратиться в древнего старика, нанеся на лицо и другие видимые части тела соответствующий грим.

Неужто сьюккё – шпион сёгуна? Возможно, но не факт. Не исключено, что это гэнин из другого клана провинции Ига, который, как и Гоэмон, отправился выполнять какое-то зада-

²⁷ Кимоно – до начала XIX века японцы так называли любую одежду.

ние. Он не проявил никакого интереса к мальчику-коробейнику, и это немного успокоило Гоэмона.

Немного поколебавшись, мальчик попросил соседей по столику придержать ему место и присмотреть за его вещами, и решительно направился к выходу. В этом не было ничего удивительного; сакэ и большое количество чая требовали частого посещения отхожего места, и клиенты хозяина харчевни то и дело сновали туда-сюда, – выходили во двор и возвращались обратно – как трудолюбивые пчелы в ясный летний день в свой улей.

Проходя мимо столика купца, он сделал вид, будто за что-то зацепился, и, чтобы не упасть, придержался за его плечо. От толчка у купца расплескалось сакэ из чашки, он гневно обернулся, чтобы сделать замечание, но, увидев перед собой мальчика, мигом смягчился. А Гоэмон тихим, но выразительным шепотом сказал:

– Берегитесь! Ронины хотят вас ограбить. – А затем, повысив голос, начал извиниться: – Простите меня, господин, простите! Я нечаянно.

– Убирайся! – сердито сказал купец.

Кланяясь, Гоэмон попятился к выходу, при этом выразительно глядя на купца. Тот на миг многозначительно прикрыл веки: мол, я все понял, сердечно благодарю. Когда мальчик вернулся в харчевню, там по-прежнему царила мирная обстановка. Он сел на свое место и заказал чай. Ему, как и сюзкэ, тоже спешить было некуда. Впереди его ждала ночь среди чужих людей, а значит, о сне придется забыть. Поэтому лучше коротать время в харчевне, нежели ворочаться на жестких циновках сарая в обществе правивших бал кровососущих насекомых.

Наконец ронины приняли решение и двинулись к выходу. Но зорко следивший за ними хозяин харчевни преградил им дорогу.

– Господа, господа, а расплатиться?! – униженно кланяясь, жалобно заблеял он.

– Поди прочь! – выскочил старший из ронинов и оттолкнул его в сторону.

Хозяин харчевни горестно заломил руки, тихо простонал, но спорить не стал. Он хорошо знал, чем может закончиться требование заплатить за ужин: блеск остро отточенной стали, молниеносный замах – и его голова покатится к очагу. Перечить ронину мог разве что сумасшедший. Или самурай – с помощью своей катаны.

Ронины подошли к столику купца, и Гоэмон превратился в один обнаженный нерв. Если остальные посетители харчевни делали вид, что ситуация их не касается, и даже старались не смотреть на ронинов, дабы не вызвать их гнев, то юный синоби не сводил с них глаз, пытаясь понять, что же предпримет купец, чтобы не оказаться ограбленным. Но тот сидел ровно, будто и не чувствовал надвигающейся опасности, и продолжал пить свое сакэ. Правда, в его фигуре уже не наблюдалась былая расслабленность, а свои мечи он передвинул поближе к правой руке, чтобы держать их на подхвате.

Судя по всему, купец принадлежал к цунэ-но-гата – городским жителям, которые занимались торговлей и имели право носить оружие. Возможно, он даже был самураем и занимался торговыми делами по велению своего сюзерена. И все равно Гоэмон был в большой тревоге. Юный синоби знал, что купец просто не успеет воспользоваться своими мечами, если ронины надумают на него напасть. Тогда почему он так спокоен? Это было непонятно.

– Кошелек! – рявкнул над ухом купца старший из ронинов.

– Не понял... О чем вы? – Тот был сама невинность.

– Кошелек сюда гони! И побыстрее, а то мой меч уже просится погулять!

– Но господа...

Купец, изображая растерянность, поднялся. И тут же сверкнула катана одного из ронинов. Он не намеревался убить купца, а хотел лишь поугубить, однако его пьяная прыть сослужила ему дурную службу. Спустя мгновение он уже лежал на полу, сраженный ударом кусари-

гамы²⁸. Даже Гоэмон не успел заметить момент, когда сюккё пустил в ход это страшное оружие. В следующее мгновение «странствующий буддист» обернулся к другому ронину, и тот, выпучив от ужаса глаза, схватился за перерезанное горло, откуда ударила ключом темно-красная кровь.

Третий ронин – старший – оказался проворней своих товарищей. Он выхватил катану из ножен, махнул, и казалось, уже ничто не могло спасти сюккё от смертельного удара. Но тот мгновенно упал назад и в падении бросил прикрепленную к рукояти кусаригама цепочку с гирькой на конце, которая обвилась вокруг клинка. Пока ронин пытался избавиться от этой напасти, купец хладнокровно и очень профессионально отделил его голову от туловища при помощи своего меча.

Вся схватка заняла ничтожный отрезок времени, но наблюдавшему за ней Гоэмону она показалась целым представлением. Он впервые увидел смерть воочию и почувствовал, как в душе у него все заледенело. Это не был страх, это было что-то другое, – темное и страшное, вырвавшееся из неведомых глубин.

Заставив себя не смотреть на лужи крови на полу харчевни, Гоэмон опустил глаза и стал неторопливо прихлебывать очень недурной чай – глоток за глотком, размеренно, чтобы успокоиться. Тем же занялись и другие присутствующие в харчевне: смотреть на свершившееся смертоубийство считалось неприличным. Все делали вид, будто ничего не произошло. Но чаепитие продолжалось в напряженной тишине, которую лишь изредка прерывал чей-то шепот. Веселье и хорошее настроение словно испарились, растворились в ночи, которая заглянула в открытую дверь, через которую слуги купца сноровисто вытаскивали тела ронинов наружу.

²⁸ Кусаригама – японское холодное оружие. Состоит из серпа (кама), к которому с помощью цепи (кусари) крепится ударный груз (фундо). Длина рукояти серпа может достигать 60 см, а серпа – до 20 см. Серп расположен перпендикулярно к рукояти, он заточен с внутренней, вогнутой стороны и заканчивается острием. Цепь крепится к другому концу рукояти или же к обуху серпа. Ее длина около 2,5 м.

Глава 3

Киото

Гоэмон стоял на вершине холма и внимательно рассматривал город, раскинувшийся в котловине. Грамотный мальчик хорошо знал историю возникновения Киото. Город был основан давным-давно, почти тысячелетие назад императором Камму как новая столица вместо прежней – Нару. Город начали строить в долинах рек Камо и Кацура, связывавших его с оживленной морской бухтой Нанива. Наименовали новое местопребывание императора Хейан-кё – «Столица мира и покоя». Впрочем, столицу называли еще и Караку – «Цветочная столица», Раку – просто «Столица», Хоккё – «Северная столица» и многими другими именами. С течением времени эти названия начали постепенно выходить из употребления, и место пребывания императора стало именоваться просто Киото – «Столичный город».

Своими очертаниями он напоминал прямоугольную доску японских шахмат сёги, уложенную длинной стороной по направлению с севера на юг и разделенную улицами на прямоугольные кварталы. В северной части города находился императорский дворец и усадьбы придворных вельмож, в центре селились в основном родовитые самураи, а в южной части теснились домики ремесленников и городской бедноты.

Столица была окружена оградой со рвами – внешним и внутренним. Длинная сторона ограды равнялась примерно полтора ри²⁹, а короткая около одного ри. С севера, востока и запада к городу вплотную подступали цепи невысоких гор, вернее, залитых временем холмов. Главные ворота Киото находились на южной, не загороженной горами стороне. На востоке к городу примыкала река Камогава, протекавшая снаружи ограды восточного фасада. Ограда столицы представляла собою земляной вал с палисадом наверху. Киото состоял как бы из двух городов: хорошо укрепленного кремля – дайдайри и жилого посада – сато.

Кремль располагался в крайней северной части Киото, почти посередине города, и занимал пространство между улицами Итидзиёодзи – улицей первого квартала, и Нидзёодзи – улицей второго квартала. Он имел множество названий: дайдайри – «великое внутри», кюдзё – «дворцовый замок», дайри – «внутренность», и кокё – «императорское местопребывание». Дайдайри заключал в себе императорские дворцы и разные правительственные учреждения. Три параллельными оградями кремль делился на три пояса. Два из них (внутренний и средний), расположенные один в другом, составляли дайри – императорские дворцы. Те дворцы, которые служили непосредственно императору, находились за оградой внутреннего пояса. Главнейшими из них были Сэйрёдэн, где помещался сам император, и Сисиндэн. Он предназначался для официальных приемов и назывался «кинри».

Внутренняя ограда и расположенные в ней ворота назывались общим именем Комон; все внутреннее пространство дайдайри охраняла лейб-гвардия – коноэфу. Главные ворота – Сёмэймон – находились на южной стороне Комон. В среднем поясе, принадлежавшем также к дайри, располагались несколько менее важных учреждений, обслуживавших императора. Окружавшая его ограда тюаку – средняя ограда, также имела несколько ворот. Полосу между внутренней и средней оградой охраняла императорская гвардия – хёэфу.

Во внешнем поясе, заключенном между средней и внешней оградой, находились разные правительственные учреждения, в том числе дадзёкан – государственный совет, и разные министерства – сё. Это был особый правительственный город – центральное присутственное место. В окружавшей пояс внешней оградой (гайкаку) было четырнадцать ворот, носивших

²⁹ Ри – древняя японская мера длины; один ри равнялся 3927 м.

общее название Кюдзёмон – дворцово-замковые ворота; так же именовалась и вся внешняя ограда.

Главные ворота в дайдайри были расположены на южной стороне Кюдзёмон и назывались Судзакумон – «Ворота красной птицы», то есть юга. От Судзакумон шла на юг через весь город широкая улица Судзаку-одзи. Охрану пояса, заключавшегося в Кюдзёмон, несла дворцовая гвардия – эмонфу, под наблюдением которой находился как внешний пояс дайдайри, так и пространство, прилегавшее непосредственно к внешней ограде снаружи ее, и даже весь посад Киото, который гвардейцы время от времени патрулировали.

Все эти сведения всплыли в голове Гоэмона не случайно. Несмотря на то, что он никогда не был в Киото, столицу юный синоби знал как свои пять пальцев. Он мог пройти ее с закрытыми глазами, если бы понадобилось. Или самой темной ночью. Его готовили к внедрению в Киото, поэтому обучили многим тонкостям городского этикета и прочим вещам, о которых деревенщина – простые гэнины горных кланов – не имела понятия. А уж местность, где должна была проходить его деятельность, требовалось знать досконально.

Бросив последний взгляд на окружавшие Киото холмы, заросшие лесом, где соседствующие с маленькими деревушками дворцы самураев и храмы напоминали россыпь разноцветных камней, небрежно рассыпанных в зеленой траве, мальчик поторопился вслед купеческому каравану, который уже приближался к воротам столицы. Купец в знак благодарности за свое спасение (что ни говори, а предупреждение юного коробейника пришлось очень кстати) взял Гоэмона в свой караван и даже приказал пристроить его короб-лоток с разными безделушками на одну из вьючных лошадей. Юный синоби притворился смущенным и пытался отказаться от такой чести, но купец был настойчив, и ему пришлось смириться.

Казалось бы, зачем Гоэмону противиться? Ведь именно этого он и хотел – примкнуть к какому-нибудь купеческому каравану, чтобы до самого Киото чувствовать себя в полной безопасности. Мало того, купец взял своего спасителя на полное довольствие, и бедному коробейнику пришлось покорно кланяться и благодарить его за такую неожиданную милость – ему хорошо было известно, что купцы не отличаются излишней щедростью и благотворительностью. Все-таки Гоэмон не ошибся, когда посчитал купца хорошим человеком.

Во всей этой ситуации было всего лишь одно серьезное «но» – сюккё. Оказалось, что столь великолепно владеющий кусаригамой буддист тоже примкнул к каравану купца. У Гоэмона уже не было ни малейшего сомнения, что он не тот, за кого себя выдает. Чтобы так ловко управляться с кусаригамой, нужно долго и упорно учиться обращению с этим очень опасным и смертоносным оружием. Способов защититься от него было крайне мало. Искусный мастер мог при помощи кусаригамы с легкостью одолеть как мечника, так и лучника. Видимо, человек, надевший личину сюккё, был телохранителем купца, который нанял его в одном из кланов ниндзя.

Скорее всего, сюккё обучался в школе ниндзюцу Иссин-рю. Кусаригамы этой школы выделялись среди других очень длинной цепью и прямым лезвием, заточенным с двух сторон. (Именно внешней стороной лезвия сюккё полоснул по горлу второго ронина.) Кроме того, кусаригама сюккё имела металлическую гарду для защиты рук, что только подтверждало его принадлежность к семье, с которой клан Хаттори был не в ладах. Поэтому юный неопытный синоби приготовился к любым неожиданностям. И они не заставили себя долго ждать.

На следующей ночевке в небольшой деревне Гоэмона ждало с виду простое, но очень нелегкое для любого синоби испытание. Мальчик был уверен, что сюккё обязательно устроит ему проверку. Кому как не «странствующему буддисту» знать, что ниндзя бывают разных возрастов и могут иметь множество личин. Телохранитель купца взял Гоэмона на заметку хотя бы потому, что мальчик не побоялся предупредить купца о замысле ронинов. Обычно люди низкого звания панически боялись связываться с отверженными самураями, которые отличались свирепостью и большой жестокостью.

Гоэмон знал, что сюккё не выпускает его из виду, постоянно за ним наблюдает, следит, как кот за мышью, хотя внешне это никак не проявлялось. Со своей стороны мальчик тоже старался по возможности держать «странствующего буддиста» в поле зрения. Потому он и заметил, как сюккё подошел к группе малышей, которые играли прямо посреди деревенской площади, и что-то им долго втолковывал. А затем угостил их аманатто – сушеными бобами, покрытыми сахарной глазурью. Похоже, это была плата. Но за что? Гоэмон почему-то не думал, что суровый ниндзя неожиданно проникся нежной любовью к чужим детям.

Вскоре все объяснилось самым элементарным способом. Малыши играли с волчком – любимой игрушкой японской детворы. Гоэмон и сам любил запускать волчки. Умельцы клана Хаттори делали в них отверстия, и волчки при вращении высвистывали на разные лады. Женщины клана даже гадали с помощью волчка. Правда, он был сделан из кости и украшен ажурной резьбой. Но та игрушка, с которой возились деревенские дети, была обычным примитивным волчком, сделанным из бурой глины.

Постепенно дети приблизились к тому месту, где стоял Гоэмон, дожидаясь, пока слуги купца управятся с лошадьми и пока его не пригласят в харчевню. Свою коробейку с товаром, плетенную из прочного луба, он давно снял с лошади и положил ее отдельно от тюков с товаром – чтобы сюккё не пришлось ее долго разыскивать. Юный синоби был абсолютно уверен, что телохранитель купца обязательно проверит содержимое короба. Ведь в нем можно было хранить много чего из обширного арсенала ниндзя.

Отвлечшись на миг от созерцания детской забавы, Гоэмон вдруг услышал предостерегающий крик какого-то малыша. Оглянувшись, он увидел, что волчок, запущенный умелой рукой, быстро вращаясь, мчится ему под ноги. Все дальнейшее произошло автоматически. Юный синоби мгновенно напрягся, чтобы стремительным прыжком убраться с пути игрушки, тем самым продемонстрировав свою потрясающую реакцию... но тут же из глубины подсознания словно дунуло ледяным ветром, сковав мышцы. Гоэмон попытался неуклюже отступить в сторону, за что-то зацепился и упал, вызвав смех окружающих.

Как он в этот момент благодарил старого Хенаук! Старый айн словно знал, что юного синоби могут подвергнуть подобному испытанию. Он учил Гоэмона не поддаваться на различные провокации, которые устраивались, чтобы узнать, не принадлежит ли человек к «демонам ночи». Ведь все ниндзя обладали потрясающей реакцией; некоторые могли даже стрелы ловить на лету. А уж среагировать на волчок – тем более. Мало того, Гоэмон успел бы при желании подставить руку и заставить игрушку вращаться на ладони.

Поднявшись, юный синоби отряхнулся и бросил быстрый, незаметный взгляд на сюккё. «Буддист» сидел камне и безмятежно улыбался, подставив лицо последним лучам заходящего солнца. Он уже не глядел в сторону мальчика. Похоже, Гоэмон проверку прошел успешно...

Формальности возле главных ворот столицы Расёмон юного коробейника практически не коснулись. Страж ворот – кадобэ, гвардеец эмонфу, – скользнул по нему безразличным взглядом и буркнул: «Проходи!» Каждый день в столицу прибывали из провинции сотни разных нищевродов и побирушек. А коробейки по Хондо таскали только самые бедные слои населения, чтобы заработать монету-другую и не помереть с голоду. Смута годов Онин, начавшаяся сто лет назад, когда представители клана Асикага никак не могли поделить титул сёгуна, многих сделала нищими. Случалось, что многотысячные армии самураев сражались прямо на улицах Киото. Город был наполовину разрушен и не оправился от страшных потрясений до сих пор. А уж о провинциях и говорить нечего. Многие деревни пришли в запустение, поля зарастали бурьяном, по всей стране рыскали шайки разбойников – бывших крестьян и ронинов. Самураи не укладывались спать, не положив под голову меч, а прочий народ – нож или дубинку.

Улица Судзакуодзи, которая шла от ворот Судзакумон, расположенных на южном фесе дайдайри, и доходила до ворот Расёмон, делила посад Киото на две части: Сакё – «левую столицу», восточную часть посада, и Укё – «правую столицу», западную часть сато. Гоэмону

нужно было попасть в Укё, где его ждал приют и всевозможная помощь в выполнении задания. Он недолго искал нужный дом, благо все городские кварталы были пронумерованы и иероглифы с нумерацией бросались в глаза на каждом шагу.

Дом, который нужен был Гоэмону, стоял на опорных столбах с каменными основаниями и был приподнят над землей на половину высоты его роста. Он представлял собой каркас с раздвижными стенами. Каркас дома соорудили легким и гибким, что уменьшало разрушительную силу при землетрясениях, которые на острове Хондо случались довольно часто. Кровлю дома сделали тростниковой, с большим навесом, под которым располагалась веранда. Все детали веранды были тщательно отполированы и покрыты стойким лаком, чтобы предохранить их от воздействия влаги. Конек крыши украшали изогнутые фигуры позолоченных «сати» – рыб-драконов, которые, по поверью, защищали дом от пожаров.

Ширина фасада была обычной для городских строений Киото – чуть меньше пяти кэн³⁰, но в глубину двора дом был вытянут примерно до двадцати кэн. Поскольку запрещено было строить большие дома, сначала богатые горожане Осаки, а затем и Киото создали особый тип строения, в котором строго соблюдалась регламентированная ширина фасада, зато в глубину дом имел протяженность в четыре раза больше. А чтобы не платить налог на окна, фасад делали полностью глухим, с одной узкой дверью, закрытой деревянной решеткой и заклеенной полупрозрачной бумагой, пропускавшей свет в помещение. Скромность и безыскусность фасада дома обычно восполнялась богатством и роскошью его внутреннего убранства.

Вокруг дома был разбит небольшой, но очень симпатичный сад, в котором лежало несколько замшелых камней. В дальнем конце сада находился крохотный чайный домик с бассейном возле него. К нему вела дорожка, вымощенная плитами. Едва Гоэмон оказался в саду, как городской шум словно растворился, растаял в благостном покое, царившем в небольшой усадьбе. Юный синоби подошел к дому, поднялся на веранду и взял в руки молоточек, подвешенный на цепочке, чтобы предупредить хозяев о прибытии гостя, в общем-то, незваного.

И в этот момент он остро ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он не нес в себе угрозы, тем не менее находиться под его обстрелом было неприятно. Гоэмон понял, что хозяин дома (вернее, хозяйка; тюнин предупредил, что ее зовут Хотару) смотрит на него через какую-то щель, незаметную на первый взгляд. Это была разумная предосторожность, не мог же отдать должное хозяйке дома Гоэмон. И невольно восхитился ее потрясающим слухом: по привычке синоби он приближался к дому практически бесшумно, благо подошва его походных дзори³¹ для прочности была подшита мягкой кожей.

Впрочем, в этом не было ничего необычного. Гоэмона предупредили, что Хотару его дальняя родственница, тетушка, которая давно ушла из клана, переселившись в Киото. По какой причине, зачем ушла, никто не счел нужным объяснять. Она должна была предоставить мальчику без лишних расспросов кров и пропитание до того времени, пока он не выполнит свою миссию. И все. Естественно, и он в свою очередь должен был держать язык за зубами и безупречно играть свою роль сёнина, который потянулся в столицу в надежде что-то заработать, дабы помочь семье. Такое разделение ролей – гостеприимной тетушки и племянника-бедолаги – должно было вполне устроить обе стороны. А также шпионов сёгуна, которые искали злоумышленников едва ли не среди грудных младенцев.

Гоэмон практически не сомневался, что Хотару-сан, как и его мать Морики, – куноити. И отправилась она в Киото не по своей воле, а по приказанию дзёнина. Похоже, Хотару была очень опасной особой, о чем говорило даже ее имя, которое имело двойное значение – «светлячок» и «могила».

³⁰ Кэн – японская мера длины; один кэн – 1,81 м.

³¹ Дзори – сандалии, сплетенные из соломы или молодых побегов бамбука.

Главным оружием куноити были красота, изворотливость и преданность своему клану. Они могли быть гейшами, служанками и вообще заниматься самой разнообразной деятельностью. Лишенные возможности носить меч, уступая мужчинам в физической силе, куноити использовали заколки для волос и веера, которыми наносили удары в горло и лицо противнику.

Были среди куноити и великие мастера ниндзюцу. Они предпочитали в качестве оружия обыкновенную, с виду совершенно безобидную иглу для пошива платья. Когда самурай предавался любви с куноити, она вонзала иглу в особую точку на его теле. Обычно смерть наступала мгновенно, но чаще страстный любовник замечал лишь легкое покалывание. Спустя два-три дня самурай умирал в страшных мучениях – его достигало удушье или происходил разрыв сердца. Но никто не мог связать эту ужасную смерть с визитом красавицы, которая заходила к нему несколько дней назад.

Если самурай раскрывали куноити, ее отдавали на поругание страже и лишь потом убивали со страшной жестокостью. Поэтому женщины-ниндзя в минуту опасности следовали древнему ритуалу самоубийства – производили дзигай, удар ножом в шею. Делали они это хладнокровно, показывая врагам полное презрение к смерти.

«Красивая, наверное...», – подумал Гоэмон о своей «тетушке». Судя по вполне приличной усадьбе, находившейся неподалеку от центра Киото, она была замужем за состоятельным самураем. (То, что Хотару-сан вдова, ему сообщили.) Но когда Гоэмон аккуратно постучал молоточком и женщина появилась на пороге дома, у мальчика даже челюсть отвисла от изумления – перед ним стояла полубогиня.

Женщины клана Хаттори не могли позволить себе дорогих одежд. Деньги, которые получал дзэнин от заказчиков, расходовались бережно, и большая часть их хранилась в тайниках – берегли на голодный «черный» год. А такие годы случались часто, особенно в засуху, когда урожай риса пропадал на корню. Поэтому платье деревенских женщин хоть и было чистым и опрятным, однако не блистало новизной и дорогими тканями.

Кимоно госпожи Хотару было пошито из дорогой ткани лазоревого цвета, на которой искусный мастер изобразил гору Фудзи и цветущую сакуру, а широкий пояс – фукуро-оби – изготовлен из парчи и был, пожалуй, дороже, нежели вся ее одежда, верхняя и нижняя. «Тетушка» и впрямь оказалась очень красивой, хотя лучшие ее годы уже прошли. Тем не менее искусный макияж делал женщину значительно моложе своих лет. Удлиненный овал лица, раскосые глаза с узкими и высокими бровями, маленький рот, похожий на небольшой красный цветок, белая, как снег, кожа, на которую пошло немало белил, губы, подкрашенные зеленой краской, – все это великолепиие изрядно смутило юного синоби.

Наверное, госпожа Хотару ждала гостей, потому что ее кимоно – иротомэсодэ – было предназначено для чайных церемоний. Гоэмон не ошибся и в ее статусе; она и впрямь оказалась вдовой родовитого самурая, так как на кимоно были вышиты пять изображений камон³² – своего рода семейных гербов. В руках «тетушка» держала веер, на который Гоэмон бросил быстрый взгляд с некоторой опаской. Уж ему-то хорошо было известно, настолько грозным оружием может быть этот совершенно безобидный с виду предмет в руках куноити.

Гоэмон низко поклонился и сказал:

– Коннитива³³, госпожа Хотару-сан!

Хозяйка дома ответила на поклон и вежливо улыбнулась, но взгляд ее был острым и настороженным. При этом она как бы случайно прикрыла веером самые уязвимые точки на своей груди. Гоэмон совершенно не сомневался, что это был тэссен – боевой веер.

³² Камон – оригинальный знак рода, семьи или человека, достаточно известного, чтобы иметь личный символ. Этот знак не являлся гербом в общем смысле этого слова, так как не представлял собой геральдическую эмблему рода. Камон – это стилизованное изображение цветов, растений, животных, перьев и т. п., обычно вписанных в окружность. Традиционно камон имели двухцветную окраску.

³³ Коннитива – добрый день (*ит.*); японское приветствие. Применяется ко всем, независимо от статуса собеседника.

Он состоял из связанных между собой металлических пластин, заостренных по краю. Мастер, который делал веер для госпожи Хотару, замаскировал пластины тканью с красивым рисунком. Тэссен можно было использовать и как дубинку (в сложенном виде), и наносить опасные порезы. В сочетании с ножом это было очень опасное оружие.

– Примите этот подарок и окажите мне гостеприимство, – продолжил юный синоби, изображая предельную почтительность.

Он протянул хозяйке дома небольшой сверток – квадратный кусочек ткани, в которую было завернуто нэцкэ³⁴ в виде крохотной тыквы-горлянки, сработанной из слоновой кости. Искусный резчик даже ухитрился изобразить на миниатюрной тыкве иероглифы и древесные листья. Нэцкэ в виде тыквы-горлянки считалось талисманом, который даровал здоровье и долгую жизнь.

Вежливо поблагодарив за подарок, госпожа Хотару пригласила Гоэмона в чайный домик. Немало повидав на своем веку, она знала, что молодые люди всегда голодны, поэтому первым делом нужно было накормить гостя (пусть и незваного) и напоить чаем, чтобы он расслабился после длинной дороги. То, что он пришел из ее родной провинции Ига, госпожа Хотару поняла сразу, едва увидев нэцкэ. Так тонко резать талисманы мог лишь один мастер, который принадлежал к клану Хаттори.

Однажды он попал в капкан, и чтобы выбраться из хитрой ловушки, ему пришлось отрезать себе ногу. Пока незадачливый синоби лечился, у него неожиданно проснулся большой талант резчика по камню и кости. С той поры его перестали использовать как лазутчика, потому что своими высокохудожественными творениями он приносил клану большую прибыль.

Госпожа Хотару провела мальчика по дорожке к бассейну с водой, где он умылся и прополоскал рот. Оставив его наедине со своими мыслями немного отдохнуть на скамейке возле водоема, она быстро вернулась в дом, прошла в потайную комнату без окон, напоминавшую кабинет алхимика, и зажгла масляный светильник. В помещении, напоминавшем деревянный сундук больших размеров, находилось много сосудов разнообразных размеров и форм как стеклянных, так и керамических, несколько каменных ступок, перегонный куб, жаровня, а под потолком висели пучки лекарственных трав и кореньев. Похоже, Хотару-сан кое-что смыслила в тайной науке синоби.

Она налила в чашку какую-то жидкость, макнула туда лоскут, в который было завернуто нэцкэ, и на светлой ткани явственно проступили очертания иероглифов. Госпожа Хотару прочитала послание, с удовлетворением улыбнулась и бросила лоскут на низенький столик. Она и впрямь была довольна собой, точно рассчитав время появления юного земляка в своем доме. Сообщение о его прибытии принес ей почтовый голубь.

Хозяйка дома потушила светильник, щелкнул замок, и в тайной комнате воцарилась темнота. Но сумей кто-нибудь в этот момент рассмотреть тканевый лоскут, его удивлению не было бы пределов. Прежде ясно видимые иероглифы вдруг начали терять очертания, расплываться и спустя какое-то время они вообще исчезли. Для непосвященных в тайны ниндзя это было сродни волшебству.

Такой способ передачи сообщений впервые придумала знаменитая куноити Чийоме Мочизуки. Она была женой военачальника-самурая. Когда ее муж ушел на войну, а Чийоме осталась на попечении дяди мужа, известного даймё Такэда Сингэна, он дал ей задание завербовать побольше женщин, чтобы они образовали подпольную шпионскую сеть. Чийоме привлекла к этому делу около трехсот молодых девиц – в основном сирот, бывших проституток и жертв войны. Соседи Чийоме Мочизуки считали, что богатая аристократка содержит неофи-

³⁴ Нэцкэ – миниатюрная скульптура. Использовалось в качестве подвесного брелока на традиционной японской одежде, которая была лишена карманов.

специальный приют для пострадавших девушек, а на самом деле она обучала их тайному ремеслу синоби.

Более опасных особ, чем ее ученицы, трудно было представить. Они действовали в разных обличьях. Врагу Такэды Сингэна безопасней было провести ночь в постели с ядовитой змеей, нежели с воспитанницей Чийоме Мочизуки. Похоже, и госпожа Хотару имела какое-то отношение к этой опасной персоне, но Гоэмон об этом даже не думал, хотя его мать Морико, опытная и в свое время удачливая куноити, предупреждала сына о коварных искусительницах Чийоме Мочизуки, с которыми ей иногда приходилось соперничать. Увы, он пока ничего не смыслил в тайных политических играх, которые затевали владетельные князья и сёгун. В данный момент изрядно проголодавшегося за дорогу юного синоби больше волновал пустой желудок, и он с нетерпением ожидал возвращения «тетушки».

По правде говоря, Гоэмон, сидя на скамейке, сильно волновался. Возможно, тому способствовала непривычная обстановка, а может, какие-то странные булькающие звуки, при некотором усилии воображения превращавшиеся в довольно унылую, мрачную мелодию. Юный синоби даже не удержался и попытался найти источник этих звуков. А когда нашел, то с облегчением вздохнул: это была суйкинкуцу – своеобразное музыкальное приспособление, используемое в садах. Оно состояло из перевернутого и зарытого в землю большого кувшина, над которым стояла лужица. Капли воды, постепенно проникая в кувшин через отверстия в его доньшке, издавали, в общем-то, приятные булькающие звуки, которые напоминали несложные мелодии. Звуки суйкинкуцу можно было сравнить с колокольчиком или японской цитрой кото.

Возвратившись, госпожа Хотару пригласила Гоэмона в чайный домик, и он, оставив свою обувь на специальном камне и низко пригнувшись, нырнул в дверь, высота которой не превышала трех сяку³⁵. По древней традиции гость должен был буквально вползать внутрь чайного домика для того, чтобы он смирил свою гордыню и буйный нрав.

Комната, в которой оказался Гоэмон, была лишена каких-либо украшений, кроме чайной посуды и висящего на стене свитка с изречением. Согласно традиции, выразив восхищение красотой старинной посуды и нелакированного керамического чайника, юный синоби уселся за низенький столик. Госпожа Хотару разожгла в специальной жаровне огонь, повесила над тлеющими угольями чайник, бросила в жаровню благовония, и по комнате разлился приятный сладковатый запах. После этого она подала рис (много риса! не поскупилась...), маринованные ростки бамбука и на десерт большой кусок рисового мармелада. Гоэмон уплетал все это, особо не церемонясь, как истинная деревенщина, а госпожа Хотару наблюдала за ним с затаенной усмешкой и грустью. Видимо, она вспоминала свои юные годы.

Затем приступили, собственно, к самой чайной церемонии. Госпожа Хотару взяла чайную мисочку, метелочку для размешивания чая, бамбуковый совок, салфетку и все это положила возле кувшина с водой. Затем она совочком насыпала в мисочку растертый в фарфоровой ступке зеленый чай, залила его горячей водой, долго размешивала и под конец этого действия добавила еще немного горячей воды. Получился очень густой напиток, похожий на суп. Судя по количеству чая, который хозяйка дома засыпала в чайную мисочку, он получился очень крепким, бодрящим, как раз такой, какой и нужен был юному синоби, чтобы восстановить силы.

Конечно, чайная церемония была несколько скромной и не совсем соответствовала этикету – Гоэмон не принадлежал к числу очень уважаемых гостей, тем не менее гостеприимство госпожи Хотару было выше всяких похвал.

По окончании чайной церемонии госпожа Хотару провела Гоэмона в дом и показала ему крохотную комнатку, которая на какое-то время должна стать его пристанищем. С виду дом казался небольшим, но внутри был на удивление просторным, потому что в нем отсут-

³⁵ Сяку – старинная японская мера длины; 1 сяку = 10 сун = 30,3 см.

ствовала мебель, а внутренние перегородки раздвигались. Особенно понравилась Гоэмону его постель – татами. Они давно стали обыденными в домах аристократов и состоятельных горожан. Это были маты из рисовой соломы, плотно набитой внутри покрывки, которую ткали из тростника. Отдыхать на татами – одно удовольствие. Это не то, что на тонкой циновке, постеленной на жестком полу, как в родной деревне.

Впрочем, для юного синоби, который мог сладко спать где угодно, даже на голых камнях, или устроившись на дереве, это было не суть важно. Главное – безопасность. А судя по внутреннему устройству дома Хотари-сан, к этой проблеме она отнеслась со всей серьезностью. Первое, на что обратил внимание Гоэмон, был угуисубари – «поющий» пол. Едва он ступил на полированные доски пола, как раздались звуки, напоминающие соловьиную трель разной тональности. Мальчику был известен этот метод сигнализации, но в исполнении деревенских умельцев он производил только неприятный скрип. А здесь слышалось настоящее соловьиное пение. Юный синоби, проходя по дому, быстро сообразил, что каждая рулада помогает определить точное местонахождение злоумышленника, проникшего в дом.

Гоэмон совершенно не сомневался в том, что дом госпожи Хотару – настоящая ловушка и что в нем имеется и яма с острыми бамбуковыми кольями, прикрытая хитрой крышкой, и существуют различные потайные двери, и надстроен второй этаж – тайное помещение, высотой не более трех сяку, где можно спрятаться от нападения врагов, и вырыт подземный ход, который ведет за пределы усадьбы. Все эти сюрпризы хорошо были известны синоби клана Хотари, и не только им, тем не менее в темноте «демоны ночи» часто попадали в такие ловушки, несмотря на весь свой опыт, ибо фантазия человеческая беспредельна, а его изощренный ум жесток и изворотлив.

На первый взгляд жилище госпожи Хотару выглядело обычно; лишь «поющий» пол несколько портил впечатление от этой обыденности. Только в нише токономы висел не свиток с изречением, а мастерски написанный портрет сурового самурая в полном воинском облачении, видимо, покойного супруга госпожи Хотару. В токономе стояла ваза с живыми цветами и курильница с тоненькими свечами. Несколько резковатый запах зажженных свечей защекотал ноздри Гоэмона и он с трудом сдержался, чтобы не чихнуть.

Нишу ограничивал столб «басира», представлявший собой практически необработанный ствол дерева, который контрастировал с тщательной отделкой всех остальных деревянных деталей внутреннего обустройства дома. В отличие от жилища Хотару-сан, в деревенских домах (как и в том, где жила семья Гоэмона) потолок считался излишеством. А здесь он был, притом украшенный удивительно красивой резьбой.

Столбы и прочие деревянные детали дома были тщательно отполированы и покрыты тонким слоем прозрачного черного лака, через который просвечивался естественный рисунок дерева. Это было очень красиво, не мог не отдать должное Гоэмон художественному вкусу покойного хозяина дома. Деревянные полы были настелены во всех комнатах дома, что говорило о состоятельности хозяев. Окна в доме закрывались прочными ставнями, а веранду от комнаты отделяли шоджи – легкие раздвижные решетки, заклеенные с одной стороны полупрозрачной бумагой.

Едва Гоэмон прилег на татами, как сразу же уснул, словно убитый. В дороге спать ему почти не пришлось, потому что он кожей чувствовал близкое присутствие суккё. Похоже, «буддист» поверил, что мальчик – и впрямь тот, за кого себя выдает. Однако Гоэмон слишком хорошо знал правила и принципы синоби, чтобы расслабиться. Каноны ниндзюцу учат не доверять никому, даже неживой природе, которая в любой момент может оказаться рукотворной ловушкой.

Но в доме Хотару-сан он впервые почувствовал себя в полной безопасности, почти как дома. Он доверился «поющему» полу, который был лучше всякого стража. И все равно его сон был похож на поплавок удочки, неподвижно застывший на зеркальной поверхности

старого пруда. Даже легкое прикосновение крохотной рыбешки к крючку с наживкой мигом оживляло поплавок, и по водной глади начинали разбегаться круги...

Утром, позавтракав, Гоэмон отправился на разведку. Прежде чем начать действовать, он должен был прочувствовать город во всех деталях, слиться, сжиться с ним, как он это делал, находясь в горах или в лесу. Ведь здесь все было для него ново, притом до такой степени, что он вдруг начал ощущать страх. Гоэмона окружало невероятное количество людей, и ему казалось, что все они враги, которые только и ждут удобного момента, чтобы сцапать его и бросить в императорскую темницу.

Его страхи не были происками чересчур разыгравшегося воображения. Со слов тюнина он знал, что новый сёгун наводнил все города страны большим количеством кагимоно-хики – «вынюхивающих и подслушивающих», которые могли находиться под любой личиной. Были среди них и ниндзя-отступники, изгнанные из многочисленных кланов Хондо, и торговцы, и крестьяне, и даже самураи. Но если всех остальных Гоэмон не боялся, то встреча с бывшим ниндзя, превратившимся в ищейку сёгуна, его не вдохновляла. Рыбак рыбака видит изда-лека. Как ни маскируйся, а скрыть истинную сущность синоби, въевшуюся после длительных и порой жестоких тренировок в плоть и кровь, очень трудно.

Ниндзя мог отыскать в толпе себе подобного даже с помощью своего носа. Дело в том, что основной едой ниндзя были тофу³⁶, овощи, просо и орехи. Отправляясь на задание, синоби принимал пищу без запаха, по которому его можно было вычислить. К тому же продукты с сильным запахом могли вызвать расстройство желудка. А еще ниндзя-лазутчик должен был как можно чаще принимать водные процедуры, чтобы его не выдала вонь немытого тела. Эти требования были обязательными для всех синоби, и бывшие ниндзя, превратившиеся в кагимоно-хики, особенно те, у кого был изощренный нюх, принохивались в толпе едва ли не к каждому подозрительному. И если у человека отсутствовал запах или его старались заглушить различными благовониями (в особенности это касалось мужчин), за ним сразу же устремлялась толпа шпионов.

Кроме того, нужно было опасаться городской стражи. Это были отряды самообороны – мати-ёкко, призванные противостоять разбойникам кабуки-моно. В такие отряды шли отнюдь не самые доблестные и честные люди. Их костяк в основном составляли городские хулиганы, задиры, игроки; только столь никчемные люди могли решиться бросить повседневные дела и взять в руки оружие. Большую часть времени они играли в азартные игры, пили и совершали преступления, лишь немногим менее дерзкие, чем бесчинства кабуки-моно. А для того, чтобы оправдать свое существование перед городскими властями, мати-ёкко могли схватить на улице первого попавшегося, обвинить его в чем угодно и упрятать в тюрьму.

Гоэмон взял с собой и коробейку, хотя сегодня он не собирался заниматься торговлей. Она была нужна ему ради маскировки. Мало ли что может приключиться...

Улицы Киото полнились народом. Совсем недавно он лежал в руинах, оставшихся от военного лихолетья, но теперь на каждом шагу виднелись новые дома. Пока Гоэмон добирался до дома госпожи Хотару, он не обращал особого внимания, как много народу толчется на узких улочках столицы. У него была цель, и он шел к ней, как весной по реке лодка, которая пренебрегает ледяным крошевом у бортов и держит твердый курс к пристани. Однако непривычный для провинциала многолюдный бедлам, который творился везде, куда ни кинь глазом, заставил юного синоби сжаться в комочек. Он выглядел потерянным, и только хорошо тренированное самообладание позволило ему хоть как-то ориентироваться в окружающей обстановке.

³⁶ Тофу – «соевый творог» – пищевой продукт из соевых бобов, богатый белком. Обладает нейтральным вкусом, что является одним из преимуществ тофу и позволяет универсально использовать его в кулинарии.

Город для его уха оказался чересчур шумным. Наверное, сегодня был какой-то праздник, потому что Гоэмону попалась навстречу процессия, которая заставила его тут же перейти на другую улицу. Впереди нее шли музыканты, двое из которых несли подвешенный на палке большой барабан-тайко, а третий лупил в него что было мочи колотушкой, обмотанной тряпками – для более мягкого звучания, что помогало как мертвому припарки. Изошренный слух юного синоби подвергся серьезному испытанию, ему хотелось заткнуть уши и немедленно куда-нибудь спрятаться, но куда? А если учесть, что вместе с барабанщиком шествовали флейтисты, мастера игры на китайских трещотках и прочие музыканты, дующие в пронзительно звучащие хитирики³⁷ и играющие на разнообразных инструментах, название которых Гоэмон не знал, то получалась знатная какофония.

Впрочем, и на параллельной улице о тишине можно было только мечтать. Толпа слуг несла богато отделанные носилки с каким-то важным императорским сановником, и два десятка гвардейцев-эмонфу верноподданнически орали: «Прочь с дороги! Куда прешь?! Кому говорят?!» Это они так козыряли перед своим господином, который прятался за шелковыми занавесками. Наверное, надеялись, на дополнительную плату.

Орали водоносы, предлагая ледяную воду, кричали погонщики быков, понукая своих флегматичных подопечных, пронзительно скрипели колеса повозок, ржали изрядно уставшие лошади купеческого каравана, пришедшего издалека, требуя как можно быстрее избавиться их от груза, изрядно натершего холки, громко ухал, подпрыгивая на месте, сумасшедший или совсем пьяный ронин, судя по лохмотьям, в которых превратилась его одежда, и двум мечам за поясом... И всю эту пеструю картину глушил и припорашивал тонкий слой въедливой пыли, от которой у Гоэмона запершило в горле.

Неожиданно на пересечении двух улиц раздался истошный вопль, и вокруг мигом воцарилась тишина, прерывая лишь нервным хихиканьем какого-то умалишенного. Гоэмон подошел поближе и увидел самурая, который деловито протирал свою катану. А у его ног лежал обезглавленный труп. Похоже, убиенный простолюдин не высказал достаточного почтения к самураю, а то и просто толкнул его в толпе, за что и поплатился.

Впрочем, истинную причину столь жестокого поступка самурая Гоэмон определил быстро. Убитый принадлежал к самым низшим слоям Нихон, которые именовались «буракумин» – неприкасаемые. Наверное, в уличной толчее он нечаянно притронулся к одежде самурая, за что и был немедленно обезглавлен – голова бедняги лежала в водосточной канаве.

Буракумины были потомками касты представителей «подлых профессий». Таковыми считались мясники, дубильщики, кожевенники, мусорщики и могильщики – то есть те, кто выполняли самую грязную и неблагодарную работу. Часто неприкасаемых презрительно называли «йоцу» – четвероногие, приравнивая их к животным. Буракумины всегда селились отдельно от представителей других сословий.

Однако некоторым неприкасаемым удавалось переменить свою судьбу. Буракумины владели монополией на выделку воловьей кожи и производство из нее самурайских доспехов. Их изделия во время Столетней войны пользовались повышенным спросом, многие из них разбогатели, а кое-кто даже перешел в иное, более высокое, сословие, заключив брак с женщиной из почтенного, но обедневшего клана торговцев или ремесленников.

Дальше Гоэмон шел еще осторожней, ловко увертываясь от, казалось бы, неминуемых столкновений. В толпе было столько разных господ (в том числе и задиристых самураев, у которых нормальный мыслительный процесс начинался лишь после доброго удара мечом), что ему хотелось превратиться в серую незаметную мышку и шнырять между ног прохожих.

³⁷ Хитирики – старинный японский инструмент из группы гобоев. Несмотря на свою миниатюрность, хитирики воспроизводит насыщенный и громкий звук. Представляет собой двойную трость и корпус цилиндрической формы с отверстиями; его звук подобен кларнету.

Наконец он добрался до рынка Нисики, где должен был найти нужного ему человека. На этом рынке в основном торговали рыбой оптом, но продавались и другие товары. Рынок располагался в узком переулке под названием Нисике-кодзи, длина которого составляла около четырех тё³⁸. Гоэмон искал оружейную лавку. Ее владельцем был Фудзивара Арицугу. Ножи, которыми он торговал, пользовались повышенным спросом; лучше их не было во всей Нихон. Металл для них привозили из-за моря, он обладал потрясающей прочностью и узорчатой поверхностью, но был очень дорог, и катаны из него имели лишь немногие военачальники и князья. И то больше для того, чтобы похвастаться перед друзьями и соперниками.

Катаны из заморского металла, в отличие от ножей, получались непрочными. Скорее всего, по той причине, что кузнецы Нихон не умели с ним работать. Меч из этого металла был потрясающе острым (им можно было разрубить на лету тончайший шелковый лоскут), но очень хрупким, и если на его пути попадался чересчур прочный железный панцирь, клинок крошился или ломался пополам.

Гоэмон остановился возле лавки и его глаза разбежались в разные стороны от изобилия танто. Обычно танто – короткие мечи (или самурайские кинжалы) – использовались для того, чтобы добить раненого или отрезать ему голову, а также для ритуала сэппуку. Они были самых разнообразных форм, размеров и названий. Юный синоби отыскал глазами даже ёроидоси – танто с толстым трехгранным лезвием, которые применялись в ближнем бою для прокалывания панцирей. На лотках лежали и синоги, переделанные из обломков самурайских мечей; не пропадать же качественно сработанному клинку. В лавке нашлось место и малому ножу – когатане.

Самураи использовали когатану для мелких бытовых нужд. В ножнах катаны, а также в некоторых ножнах танто и вакидзаси – малого меча, существовало специальное углубление для когатаны. Главным у ножа была кодзука – рукоять когатаны. Если в мечах основную ценность представлял клинок, то рукоять когатаны была настоящим произведением искусства. Ее часто изготавливали из слоновой кости, облагораживая и так ценный материал искусной резьбой, украшали серебром и золотом, а также драгоценными камнями.

– Что тебе здесь нужно? – вдруг раздалось над ухом.

Гоэмон невольно вздрогнул и повернулся. Юный синоби, увлекшись, не услышал, как к нему почти вплотную приблизился нескладный человечек небольшого роста, почти карлик. Он был горбат, его лицо покрывали шрамы – скорее всего, от язв, а руки висели ниже колен. Горбун смотрел на Гоэмона с подозрением, словно тот был воришкой. Видимо, он имел какое-то отношение к лавке Фудзивары.

– Смотрю... – коротко ответил Гоэмон, задетый нагловатым наскоком горбуна.

– Посмотрел? Ну и иди дальше. Околачиваются тут всякие...

– А если я хочу что-нибудь приобрести? – Гоэмон с трудом подавил сильное раздражение.

Горбун взглядом смерил его с головы до ног, быстро оценил выдавшуюся одежду мальчика и фыркнул, как лошадь, коротко, но зло рассмеялся.

– На ту медь, что у тебя на шее, можно купить разве что точильный камень, – сказал он скептически. – Но не в заведении господина Фудзивары. Здесь на такую дешевизну не размещаются.

Это Гоэмон и сам уже понял. Представленные в лавке небольшие точильные камни, обязательная принадлежность каждого воина в походе, были оправлены в чеканную бронзу и серебро и имели цену, сопоставимую со стоимостью доброго танто. Но как горбун узнал, что у него на связке одна медь? Ведь он не мог видеть монеты, спрятанные под кимоно. Гоэмон насторожился. Такими способностями видеть человека насквозь обладали лишь весьма опытные синоби.

³⁸ Тё – японская мера длины; один тё – примерно 109 м.

Он немного помедлил и осторожно ответил:

– Я и впрямь ничего не собираюсь покупать. Мне нужен господин Сандаю, который работает в этой лавке.

В лице горбуна что-то изменилось, и он спросил уже гораздо серьезней:

– А зачем он тебе?

– Нужен, – коротко ответил мальчик.

– Ты его родственник? – продолжал спрашивать горбун.

– Возможно, – неопределенно ответил Гоэмон – лишь бы отвязаться от настырного уродца.

– Ха! – весело воскликнул горбун. – Никогда не думал, что у меня есть такой несмышленный родственник!

– Вы... господин Сандаю?! – Гоэмон был поражен.

– А то кто же. Что, не нравлюсь?

– Нет, почему же... Но... То есть... – Тут мальчик запутался и что-то тихо пробормотал себе под нос.

– Ах, тебе нужны верительные грамоты! – Горбун смешливо развел руками. – На слово ты не веришь, в лицо меня не знаешь, значит, необходимо нечто такое, дабы ты поверил. Или я неправ?

Гоэмон уже оправился от временного смущения и снова стал холодным и невозмутимым.

– Именно так, – ответил он твердо.

Заглянув в ледяные глаза юного синоби, горбун мигом стал серьезным. Он огладил свое платье, тем самым показав Гоэмону простой бронзовый перстень китайской работы, на котором был изображен дракон. Сделав этот жест, горбун требовательно посмотрел на мальчика. Под его острым беспощадным взглядом Гоэмон почувствовал себя не очень уютно.

Он уже понял, что горбун – ниндзя, один из оседлых лазутчиков клана Хаттори, как и госпожа Хотару, а значит, будь Гоэмон кансё, шпионом сёгуна, жить ему осталось бы всего ничего. Он умер бы прямо возле лавки Фудзивары Арицугу. И все решили бы, что бедного малого хватил апоплексический удар – солнце палило вовсю, и день выдался очень жарким.

Гоэмон неторопливо, не делая резких движений, полез в свой короб, достал оттуда нэцкэ, изображавшее Будду, и с поклоном протянул Сандаю. Тот взял фигурку, повертел ее в руках, увидел крошечный иероглиф, который значил для посвященных очень много, и с облегчением вздохнул.

– Приветствую тебя, брат, – сказал он тихо. – Чем могу быть полезен?

Гоэмон рассказал. Со стороны это выглядело так, будто Сандаю, который был приказчиком у господина Фудзивары, показывал привередливому покупателю свой товар, а юный синоби молча любовался превосходными танто. На самом деле он говорил – тихо и практически не шевеля губами. А побережся стоило, потому что возле лотков с ножами толпились люди, и кто мог дать гарантию, что среди них не находится кансё?

– Понятно, – сказал горбун, когда Гоэмон закончил свою речь. – Будет сделано. Все, что тебе нужно, сможешь забрать в любое время. Место тайника я укажу позже. А пока возьми этот танто – в подарок. Киото – опасный город. Особенно ночью. Добрый клинок еще никому не мешал.

Поблагодарив его от всей души, Гоэмон откланялся и исчез в толпе. Глядя ему вслед, горбун тихо и как бы с удивлением пробормотал: «Ну надо же...», тяжело вздохнул – наврное, сообразуясь с мыслями, и приступил к своим обязанностям, потому что покупатели уже начали терять терпение и стали его звать. Особенно раздражен был самурай, но когда Сандаю продал ему великолепную когатану почти за полцены, он оттаял и снисходительно поблагодарил горбуна за проявление уважения к своей персоне.

Приспособив приобретение на полагающееся ему место в ножнах вакидзаси, самурай поторопился к уличным торговцам едой, чтобы ублажить желудок, потому что дымок от тлеющих углей и запахи горячего жира вызывали обильное слюноотделение. К тому же на сэкономленные деньги он мог устроить настоящий пир. Встречные с поклонами уступали ему дорогу, и самурай чувствовал себя превосходно.

И все же внутри у него торчала какая-то заноза. С какой стати она там появилась, самурай понял лишь тогда, когда росным утром следующего дня вместе с отрядом покинул Киото. Взгляд приказчика! Он был очень жестким и доставал до самого нутра, несмотря на его внешнюю любезность.

Впрочем, вынув эту «занозу» из своей изрядно огрубевшей души, самурай вскоре и думать забыл о приказчике. «Какой-то горбун, пусть и с нехорошим взглядом, – это даже не камень, а всего лишь камешек под копытами его коня», – подумал самурай. Покачиваясь в седле, он пребывал в превосходном настроении и даже сочинил хокку о камне:

Словно алмазом,
Капелькой росной украшен
Камень холодный.

Глава 4

Фокусник

Удзи, южный пригород Киото, медленно погружался в мягкие вечерние сумерки, окрашенные в красноватые тона. Гоэмон стоял на мосту Утреннего Тумана – Тёйукё, и с интересом глядел на приготовления местных рыбаков к рыбной ловле. Река Удзигава изобиловала рыбой. Здесь можно было поймать на стремнинах форель – аю, или подсесть в заводях серебряного карася – фуна или карпа – кои, а то и совсем уж редкого черного троегуба – хасу. Но ничто не могло сравниться с укай – ночной ловлей рыбы при помощи баклана. Посмотреть на экзотическую рыбную ловлю приходило много зевак, и Гоэмон потерялся среди них, как песчинка на речном берегу, что ему вполне импонировало.

До обеда он мотался по городу, как заведенный. Его «подопечный», мелкий чиновник бакуфу – правительства сёгуна, оказался чересчур деятельным. Чем он занимался, Гоэмон так и не смог понять. К концу дня юный синоби утвердился во мнении, что беготня чиновника по городу – это всего лишь изображение бурной деятельности на вверенном ему посту. Он вел какие-то переговоры с обязательной чашечкой-другой сакэ, несколько раз пил чай в дорогих харчевнях, потом в обеденное время надолго уединился с весьма симпатичной девицей, судя по всему, дамой без излишних предрассудков, и покинул ее жилище в весьма приподнятом настроении и изрядно помятый, а затем ближе к вечеру отправился в Удзи, чтобы посетить храм Удзигами-дзиндзя. Наверное, решил замолотить грехи, накопившиеся за день.

Древний храм поразил Гоэмона своей красотой. Главной достопримечательностью храма не без основания считались старинные каэрумата – резные деревянные украшения потолочных балок. Созерцать их можно было часами. Территория Удзигами-дзиндзя почти сплошь заросла огромными деревьями дзельквы и невысокими кленами, а рядом с главным залом храма бил источник с очень вкусной водой. Чиновник долго молился, а затем направился к пруду, чтобы полюбоваться Хоодо – павильоном Феникса.

Сидя у пруда, за кустами глицинии, Гоэмону показалось, что время остановилось; там, где царит совершенство, во времени нет нужды. Над тонкой гладью пруда простерла длинные крылья неземной красоты птица, на глазах превращающаяся то в диковинную острогрудую ладью, то в стройный павильон с изысканно-гибкими линиями, образующими заостренные углы многослойных черепичных крыш, с узкими галереями, симметрично разбегающимися в стороны на невесомых колоннах-опорах. Невозможно передать ощущения Гоэмона, на глазах которого происходило переливание множества образов друг в друга, притом что форма создающего эти образы павильона ни на йоту не менялась.

Конек крыши Хоодо украшали бронзовые изображения невиданных птиц, ярко сверкающие в лучах заходящего солнца. Гоэмон так засмотрелся на все эти чудеса, что едва не выпустил из виду своего шустрого подопечного, который нанял лодку и отправился к рыбакам, чтобы посмотреть на экзотический укай вблизи.

В принципе, Гоэмон мог отправляться восвояси. Чиновник уже мало интересовал юного синоби; все, что было нужно узнать о его личности, он узнал. Чиновник, конечно же, был самураем и до недавнего времени не слезал с седла, воевал с мятежными князьями, которые не хотели подчиняться воле сёгуна. Несмотря на некоторую внешнюю суетливость, как-то не вязавшуюся с привычным образом самурая в повседневной жизни – несколько медлительным, неторопливым и вызывающе гордым, чиновник тем не менее боевых навыков не утратил. Это Гоэмон сразу определил по тому, как самурай двигался – мягким и пружинистым шагом хищника из породы кошачьих.

А еще он обладал великолепным слухом и превосходной реакцией, которую Гоэмон не замедлил проверить. Когда чиновник остановился возле одной из лавок, чтобы побеседовать с ее хозяином (похоже, они были добрыми знакомыми), юный синоби поднял с земли небольшой камешек и бросил его с таким расчетом, чтобы он упал точно за спиной самурая. Чиновник обернулся на чуть слышный звук падения камешка с похвальной стремительностью, при этом его правая рука уже лежала на рукояти меча. Пристально наблюдавший за ним Гоэмон лишь сокрушенно вздохнул – его будущий противник – точно не подарок.

Будь у мальчика задание просто убить самурая, он сделал бы это с легкостью. И ушел бы никем не замеченный. Но в том-то и дело, что задача у юного синоби была несколько иная. Во время военных действий была разрушена одна из пагод ямабуси, и оттуда похитили старинный свиток, представляющий большую ценность. Что в нем ценного, Гоэмону не объяснили; ему лишь обрисовали, какой он с виду, и заставили запомнить несколько иероглифов, которые стояли в начале свитка. А похитителем древней святыни оказался этот самый чиновник бакуфу, прежде командир одного из отрядов армии сёгуна.

Дело оставалось за малым: изъять у высокопоставленного вора свиток, да так, чтобы комар носа не подточил. Для этого Гоэмон и ходил, как привязанный, за чиновником-самураем, стараясь изучить его привычки и составить для себя психологический портрет. С этим делом он успешно справился. Главное, что уяснил Гоэмон, было то, что самурай – очень опасный человек. Видимо, его выучка строилась почти на тех же принципах, что и в Ига-рю – школе ниндзюцу клана Хаттори.

Гоэмон знал, что воспитание самурая начиналось с раннего возраста и до совершеннолетия. Главной наукой, внушаемой каждому ребенку из самурайской семьи, считалась нечувствительность к страху смерти и всему, что с ней связано. Для того чтобы привить это качество, мальчиков отправляли ночью на кладбище, заставляли присутствовать на казнях, посылали в те места, где, по поверьям, обитали демоны, духи и привидения. Чтобы развить терпение и выносливость, юных самураев заставляли исполнять непосильно тяжелые работы, проводить ночи без сна, ходить босиком зимой, рано вставать, их надолго лишали пищи, чтобы они умели стойко выдерживать муки голода.

Самураи прекрасно владели различными видами оружия и знали приемы рукопашного боя, умели преодолевать водные преграды в облачении, состоявшем из полного комплекта доспехов. Их также обучали приему подавления морального духа противника с помощью особого боевого крика, от которого у непривычного человека сердце уходило в пятки. Кроме того, для отпрысков знатных фамилий обязательными дисциплинами считались верховая езда и форсирование рек на лошади. Так что противник у Гоэмона был еще тот фрукт. Конечно, юный синоби верил в свою звезду, знал, что готов к любым испытаниям и ничего не боялся. Он был уверен, что выполнит задание.

Оставался открытым главный вопрос: где чиновник прячет свиток? Гоэмон почему-то не думал, что он лежит на видном месте в жилище самурая – на подставке в нише токономы. А рыться в многочисленных ящичках и тайниках в комнатах дома, тем более – ночью, было и опасно, и бесполезно. Если бы Гоэмон мог все осмотреть при свете дня... Но кто же его, простолоудина, добровольно пустит в дом самурая?

Конечно, существовал способ выкурить лиса из норы. Для этого всего лишь нужно было поджечь дом, да так, чтобы он запылал сразу со всех углов. Это Гоэмон умел делать. Он был уверен, что чиновник-самурай выскочит из дома, захватив с собой лишь самое ценное: свои мечи, реликвии токономы, кошелек и древний свиток. Вот тут можно его и накрыть. Да вот беда – у него слишком много вооруженных слуг. Двое из них и сейчас сопровождали своего господина, в данный момент исполняя роль лодочных гребцов. Так что захватить врасплох самурая вряд ли удастся. К тому же Гоэмон должен был все сделать тихо, незаметно, и уж тем

более – без покойников. Почему так, юный синоби не знал. Но приказ есть приказ, и его нужно исполнять...

Пока Гоэмон мрачно размышлял о трудностях, которые встали на его пути, от речного острова Тоносима, над которым возвышалась тринадцатиярусная пагода, начали отплывать рыбацьи лодки, полыхающие огнями; это рыбаки размахивали горящими факелами, стремятся привлечь рыбные косяки. Вскоре в дело вступили и бакланы, которых держали в лодках на привязи, словно собак. С гортанными криками птицы начали бросаться в воду и выхватывать из темных речных глубин рыбу, которая при свете факелов казалась слитками живого серебра. Горло каждого баклана было стянуто металлическим кольцом, поэтому проглотить рыбу он не мог, и спустя какое-то время лодки под тяжелым грузом богатого улова едва не черпали воду бортами.

Гоэмон был заморожен укаем. Потрясающее представление всецело завладело его вниманием. Плеск речной воды, резкое хлопанье крыльев, радостные возгласы удачливых рыбаков и зевак, вид освещенных трепещущим пламенем факелов длинных лодок, огненная рябь на черной воде представляли собой эффектное, ни с чем несравнимое зрелище. Феерия огня и мрака долго преследовала юного синоби – до самой постели. И когда сон наконец сомкнул ему веки, он уже знал, что делать дальше...

Утром следующего дня Гоэмон отправился на рынок Нисики. Горбун был на месте. Юному синоби пришлось подождать, потому что приказчик на все лады расхваливал свой товар какому-то горожанину, по виду цунэ-но-гата из разбогатевших ремесленников. Катана ему не полагалась, а вот меч вакидзаси и танто он мог носить с полным на то правом. Судя по витиеватым речам горбуна, новоявленный богач мало соображал в оружии, и приказчик хотел продать ему дорогой экземпляр танто, вся ценность которого заключалась в красивой рукояти.

В лавке Фудзивары Арицугу продавались не только ножи из принадлежавших ему мастерских, и впрямь отличающиеся великолепным качеством. Он торговал изделиями и других кузнецов; правда, старался брать на продажу только вполне приличные образцы (которые все равно не выдерживали никакого сравнения с его ножами). Стоили они дешевле – для тех, кто знал толк в оружии, но был стеснен в средствах, а тем, кто был «пустым горшком», как этот цунэ-но-гата, всучивали их по цене едва ли не выше стоимости самого лучшего из клинков, представленных на лотках. Этим как раз и занимался горбун, и чтобы ему не мешать, Гоэмон присел в сторонке на корточки и начал философски наблюдать за беспокойной рыночной жизнью.

Рынок представлял собой увлекательное и немножко странное зрелище. Рядом с лавкой Фудзивары Арицугу с множеством благородных танто продавали соленую и вяленую рыбу, чуть поодаль торговали лакированными шкатулками и веерами, еще дальше несколько лавок выставили на своих лотках великолепный фарфор, усладу глаз истинных ценителей красоты, за ними стояли торговцы чаем и посудой для приготовления чая, напротив них расположились кузнецы, котловых дел мастера, завлекавшие покупателей мелодичным звоном своих котлов и котелков, рядом с ними возле своей лавки суетился оптовый торговец свежей рыбой, помогая грузить бочки на повозку и переругиваясь с возчиком...

За рыбной лавкой мрачно чернели на лотках металлические шлемы самураев – кобуто, отдельно стояли в специальной стойке копья – яри, и сразу же за ними торговец, явно навеселе, продавал сакэ на вынос, черпая его из большой бочки медным черпаком. Похоже, он опьянел от испарений и вот-вот должен был свалиться с ног, но чуть поодаль стоял его сменщик, готовый в любой момент подменить ослабевшего товарища. Присутствовала на Нисики и лавка шелковых тканей. Возле нее толпились модницы и горестно вздыхали – из продажи пропал великолепный китайский шелк. А если он все же появлялся на рынке, то быстро исчезал, потому что его закупали для императорского двора и для жен владетельных даймё.

С Китаем торговали в основном южные князья – Оути и Хосокава, а также монастыри. Из Чжунго – Срединной империи – в Нихон привозилась медная монета, китайский шелк-сырец, качество которого было значительно выше японского, шелковые ткани и другие товары. Но некоторые даймё и крупные купцы, не довольствуясь малой прибылью, получаемой от торговых сделок с китайцами, начали организовывать пиратские набеги на Чжунго и Чосон (Корею). Корабли японских пиратов вако издавна грабили прибрежные города этих стран, но в последние годы их набеги приняли угрожающий размах, поэтому китайские купцы были вынуждены почти полностью прекратить торговые отношения с Нихон, за исключением редких смельчаков.

Заметив, что горбун закончил переговоры с покупателем (он все-таки всучил ему никчемную железку), Гоэмон подошел к лоткам и принялся рассматривать ножи.

– Чем интересуетесь, уважаемый? – Горбун приветливо улыбнулся, отчего его изрядно покаябанная физиономия вдруг стала вполне приятной.

Взяв в руки танто, – вроде для того, чтобы хорошенько его рассмотреть – Гоэмон шепотом рассказал горбуну, какая помощь ему нужна. Тот на какое-то время задумался, мрачно шевеля мохнатыми черными бровями, а затем просветлел лицом и коротко спросил:

– Когда?

– Через два дня. Но все должно быть наготове, чтобы по моему сигналу заказ немедленно появились в нужном мне месте.

– Утром, вечером?..

– Скорее всего, днем, сразу после начала стражи Овцы³⁹.

– Хорошо. Но на всякий случай дай мне три дня.

– Ладно, договорились.

– Будь осторожен, особенно на рынке. Здесь полно кансё. Бывай...

Откланявшись, Гоэмон постарался как можно быстрее исчезнуть из Нисики-кодзи. Ему не улыбалась перспектива попасть под надзор шпионов сёгуна. А еще он торопился к дому чиновника-самурая, чтобы понять распорядок, по которому живет его семейство, и подсчитать количество домочадцев, прислуги и охранников.

Наблюдение вполне удовлетворило Гоэмона. Он наконец пустил в ход свой товар – разные костяные безделушки, начиная от нэцкэ и заканчивая женскими гребнями, заколками и прочей мелочью. Все они были творением рук хромого резчика из клана Хаттори, и юный синоби не сомневался, что его вещицы произведут настоящий фурор среди женщин, которые умели ценить красоту и высокое мастерство.

Так оно и вышло. На удачу Гоэмона, возле дома самурая находилась крохотная площадь с колодцем, возле которого женщины собирались посудачить. Когда он открыл свою коробейку, они набросились на него, как голубиная стая на рассыпанный корм. Вскоре возле Гоэмона образовался целый рынок и торговля пошла с такой скоростью, что Гоэмон даже начал побаиваться за количество товара. А ну как он сегодня все продаст, чем завтра торговать? Ведь ему нужно понаблюдать за домом самурая-чиновника еще день. А без дела долго торчать на виду у всех очень опасно.

Поэтому юный торговец так круто взвинтил цену, что быстро охладил пыл потенциальных покупательниц. Тем не менее короб все равно изрядно полегчал. В квартале, где находился дом чиновника, жили далеко не бедные самураи, и женщины за ценой не стояли. Конечно, находились и жадины, которые торговались с Гоэмоном до хрипоты, но он так вошел в роль сёнина, что сражался за каждую медную монету. Юный синоби отстаивал свою цену, но его

³⁹ Стража Овцы – время между 13 и 15 часами. До принятия григорианского календаря в Японии время исчислялось по «стражам», которые соответствовали 12 знакам зодиака китайского гороскопа и назывались их именами.

взгляд был прикован к усадьбе самурая. Конечно, он не пялился на нее, как баран на новые ворота, а смотрел искоса, но все подмечал и откладывал в тайники своей памяти.

По его подсчетам выходило, что слуг в доме всего трое – садовник, няня в годах и служанка, молодая девица, судя по манерам, провинциалка, а охранников четверо; это не считая тех двух, которые находились рядом с чиновником постоянно, куда бы он ни шел. Охранники его не впечатлили; это были настоящие лентяи, которые не шибко следили за домом и окрестностями, а больше валялись на травке, возле красивого водоема, над которым росли три сосны с диковинно переплетенными кривыми ветками. Судя по всему, это была работа искусного садовника.

Как и подобает самураю, находящемуся на государственной службе, усадьба чиновника имела ворота и сторожевой домик. Сам дом был построен на высоком каменном фундаменте, а крыша имела два слоя: сначала ее покрыли тростником, затем черепицей. Дом самурай построил просторным; похоже, обязательный зал для приема гостей явно был немалых размеров. Судя по усадьбе, самурай был богат и ни в чем себе не отказывал, хотя его дом особо не выделялся на фоне остальных.

Самурай, неуклонно следующий «Бусидо», даже в мирное время не должен думать о доме как о своем постоянном обиталище и не тратить большие средства на его изысканное украшение. Ведь в любое время может начаться война, дом сгорит, и он должен быть готов быстро построить новый. Того, кто не предвидел подобного поворота событий и тратил на строительство своего жилища слишком много денег, часто влезая в долги, считали лишенным здравого смысла и понимания вещей.

Детей у чиновника было двое – мальчик примерно семи-восьми лет и девочка чуть старше. Это открытие обрадовало Гоэмона. Отлично, то, что нужно! Мальчик почти не слезил с деревянного коня, размахивая игрушечным мечом, а девочка под руководством няни что-то шила. Жена самурая тоже не выдержала искуса и подошла к коробейнику. Она не была красивой (точно не краше госпожи Хотару), но явно выросла в аристократическом семействе, понимающем толк в высоком искусстве. Это Гоэмон определил по нэцкэ, которое ей приглянулось.

Она выбрала настоящий шедевр одноногого резчика – фигурку Дзюродзина, бога долголетия и бессмертия, из слоновой кости. Он был изображен во весь рост с посохом в руках, на котором сидела сова, а рядом с ним, тесно прижавшись к старцу, стоял олененок. Цену за это нэцкэ Гоэмон запросил очень большую, но жена самурая купила амулет, не торгуясь. Она знала, что нэцкэ в таком потрясающем исполнении (мастер сумел изобразить даже волосы на бороде Дзюродзина) стоит гораздо дороже. А уж его внутренняя сущность вообще не имеет цены.

Чтобы не расторгнуться полностью (ведь ему нужен был еще день для подтверждения своих наблюдений), Гоэмон быстро свернул торговлю, сказав, что его ждут в другом месте. Но он пообещал женщинам, которые не успели прицениться и сделать покупки, что вернется сюда завтра. Опыта торговли у юного синоби не было, и он с огромным удивлением наблюдал за бестолковой женской суетой. Прежде чем купить что-то, каждая должна была в обязательном порядке осмотреть и ощупать (некоторые делали это почти благоговейно) все вещицы, которые лежали в коробе. А потом долго обсуждать с подружкой качество и красоту какого-нибудь гребешка, который, на взгляд Гоэмона, вообще не представлял никакой художественной ценности – просто нужная в хозяйстве вещь.

И только позже, уже в доме госпожи Хотару, он наконец понял, почему вызвал торговлей резными безделушками такой ажиотаж у соседок чиновника. Жена самурая обычно редко покидала дом; для нее даже поход на овощной рынок был событием, так как для этого существовали служанки. Как только она получала из рук свекрови самодзи – деревянную лопаточку, которой раскладывают рис, дом полностью занимал все ее время. На нее были возложены все заботы о домашнем хозяйстве. Ей был полностью доверен и семейный кошелек.

Но при всем том жена самурая, обычно представительница аристократического семейства, умела понимать и ценить прекрасное. А уж изделия одного резчика из клана Хаттори, даже примитивные гребешки, были изысканны и совершенны и несли на себе печать большого мастерства.

Для дочерей самураев не было школ, их обучали на дому. Плохо образованную жену муж мог выгнать из дома, и это побуждало женщин старательно учиться. От окружающих они постигали навыки ведения домашнего хозяйства, учились быть хорошими женами. Приходящие учителя обучали их грациозному исполнению традиционных ритуалов, таких как аранжировка цветов, чайная церемония, а еще танцам, пению, игре на музыкальных инструментах. Они учились писать нестрогим японским стилем, а не уставными китайскими иероглифами, читать романы и стихи, и даже сочинять хокку и танка. Поэтому не было ничего необычного в том, что жены самураев, наученные ценить прекрасное, столь живо и долго обсуждали поделки, лежавшие в коробеике Гоэмона.

Засыпал юный синоби в полной уверенности, что свое задание он выполнит. То, что его фантазия собиралась предложить жителям квартала, учитывая кто там живет, несомненно, должно сработать в лучшем виде...

Следующий день мало чем отличался от предыдущего. Короб опустел быстро. На этот раз Гоэмон по времени пришел как раз к страже Овцы. Но в доме чиновника-самурая людей не прибавилось. Значит, он родом не из Киото, решил юный синоби, и его родители живут отдельно. Да и сам он, скорее всего, обедал в другом месте. И Гоэмон даже догадывался, где именно. Похоже, девица, к которой он захаживал, была его наложницей.

Богатый человек в Нихон мог иметь несколько наложниц, но жили они вне семейного дома, в своих собственных, обычно родительских домах. Жены самураев относились крайне снисходительно к таким похождениям мужа. Более того, не забавы мужа на стороне, а проявление ревности жены в глазах японцев выглядело чем-то постыдным.

Распродав товар, Гоэмон удалился восвояси, весело насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В голове он уже нарисовал план усадьбы самурая и в деталях представлял весь маршрут, который должен был привести его в спальню чиновника. По здравому размышлению, Гоэмон решил, что только там может храниться драгоценный свиток. Ведь ночью, когда наступает время воров и разбойников, он должен всегда находиться рядом с хозяином дома – и на случай пожара, и если в жилище заберутся убийцы. А то, что за ворованным свитком могут пожаловать те, кому он принадлежал, притом с намерением отомстить, самурай должен был предвидеть, так как он совсем не походил на глупца.

«Ты ждешь, что за свитком придут ночью, а я навещу твой дом ясным днем...». Гоэмон хищно оскалился, но тут же снова приобрел беззаботный вид, тем более что уже вошел в узкую кишку Нисики-кодзи. Остановившись возле лавки Фудзивары Арицугу, он спросил у горбуна взглядом: «Ну как?..».

– Все наготове, – ответил тот. – Время?..

– Завтра. Как я и говорил, когда наступит стража Овцы.

– Где?

Гоэмон объяснил.

– Что тебе нужно из оружия?

– Сюрикены.

– Не мало ли?

– В самый раз.

– Тогда обожди чуток... – Горбуна отвлек покупатель, но он постарался побыстрее от него избавиться.

Вернулся горбун со свертком.

– Хорошо сбалансированы? – спросил Гоэмон.

– Обижаете... Их делал лучший мастер. Но привыкнуть к ним надо. Найди укромное местечко и потренируйся. Времени у тебя достаточно.

– Благодарю.

– И запомни – мы с тобой незнакомы. – В голосе горбуна проскользнули тревожные нотки.

– Я это знаю. – Ответный взгляд юного синоби был холодным и жестким.

Горбун с удовлетворением кивнул и сказал:

– Удачи...

Гоэмон ушел. Какое-то время горбун смотрел ему вслед, покусывая нижнюю губу, что у него обозначало большие сомнения, а затем, приняв какое-то решение, позвал своего помощника, молодого парня, по виду недавнего провинциала, подавшегося в город на заработки.

– Я ухожу, – сказал горбун. – Сегодня и завтра меня не будет. Если появится наш хозяин, скажешь ему, что я поехал за товаром. Справишься сам?

– Да, господин... – Парень с благодарностью поклонился. – Я все знаю. Можете не сомневаться. Спасибо за доверие.

– Смотри мне...

Горбуна сильно смущал возраст юного синоби. Уж он-то знал, что под пытками редко кто сможет удержать язык за зубами. Тем более, неоперившийся птенец, который считает, что уже может летать как взрослый ястреб. Поэтому горбун решил понаблюдать за развитием событий со стороны. И если парнишку схватят, то ему придется бежать из Киото...

На следующий день, после полудня, возле дома чиновника-самурая собралась целая толпа – и стар, и млад. Всех привлекло любимое зрелище – выступление бродячего фокусника-саругакуси. Обычно он выступал вкуче с дрессированной обезьянкой, которая исполняла различные трюки, но этот фокусник принес с собой лишь большую сумку, где хранил принадлежности своей профессии. Он был в синем бархатном кимоно с нашитыми на нем серебряными звездочками, что предполагало неплохой достаток, на голове фокусника торчал красный колпак-дзукин, который во время дождя превращался в капюшон, на ногах у него были гэта – деревянные сандалии в форме скамеечки, в которых хорошо ходить в ненастную погоду, и белые таби – носки с чехольчиком для большого пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.